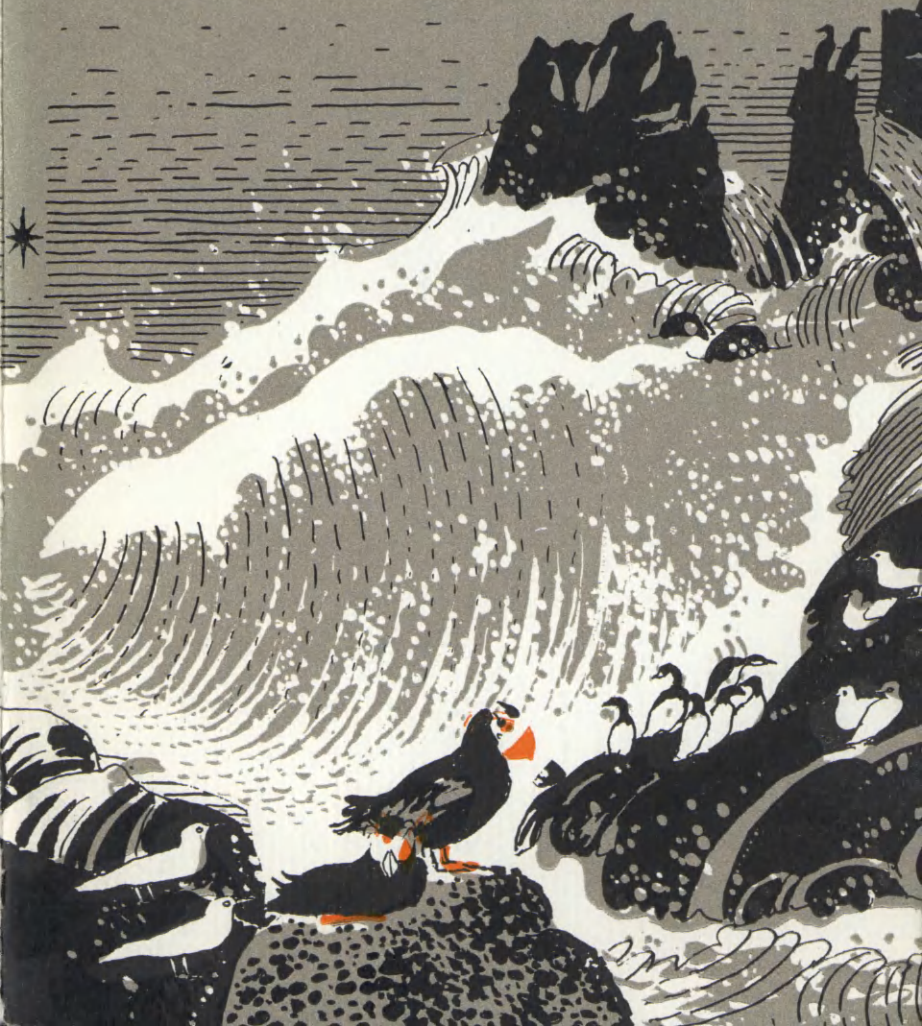

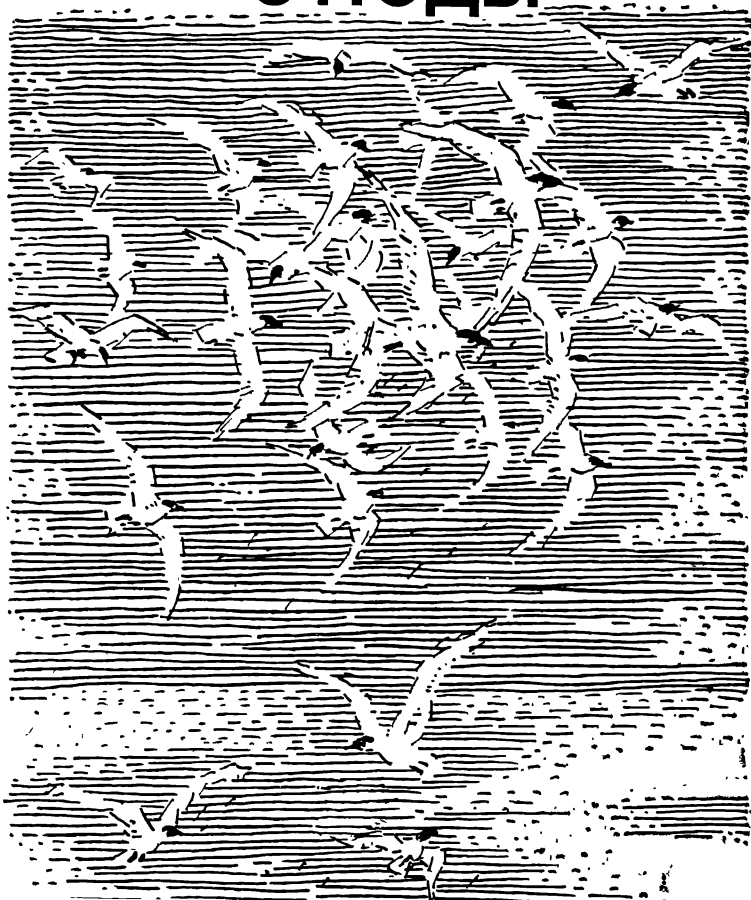
ПРОЧТИ. ТОВАРИЩ!

ВАДИМ БУРЛАК КОМАНДОРСКИЕ ЭТЮДЫ

ПРОЧИ, ТОВАРИЩИ

ВАДИМ БУРЛАК КОМАНДОРСКИЕ ЭТЮДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
МОСКВА 1982

ББК 26.89(2)
Б 90

Scan+DjVu: AlVaKo
01/12/2023

Рецензенты: С. В. Марков, кандидат биологических наук, биолог-охотовед; В. А. Лебедев, член СЖ СССР, зам. главного редактора журнала «Вокруг света».

Вадим БУРЛАК — литератор, много путешествует по нашей стране и за рубежом. Одна из тем его творчества — взаимоотношения человека с природой. Он автор повести «Речные заводи», книг «Выбор на всю жизнь», «Обыкновенное воскресенье».

Бурлак В. Н.
Б90 Командорские этюды.— М., Знание, 1982.—
80 с.— (Прочти, товарищ!).
15 к. 50000 экз.

Удивительны и во многом еще загадочны Командорские острова, богата и разнообразна их природа, интересна история открытия и хозяйственного освоения.

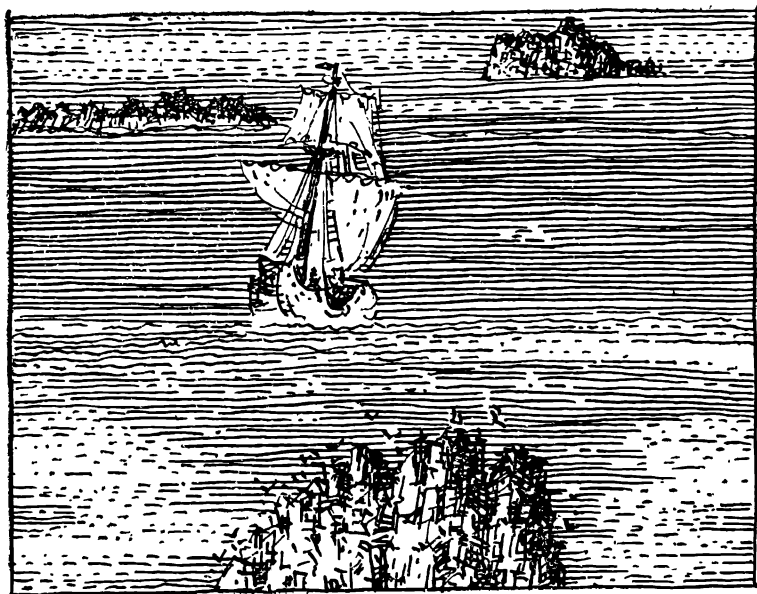
В книге рассказывается о подвигах первопроходцев, самоотверженности русских ученых-исследователей и путешественников, о продолжателях их дела — наших современниках.

Для широкого круга читателей.

Б $\frac{1905020000-017}{073(02)-82}$ 35—82

ББК 26.89(2)
91(И9)

© Издательство «Знание», 1982 г.

I.

ТОЧКА В ОКЕАНЕ

Первопроходцы

К полудню шторм кончился. Небо заяснело голубишной. Океан сник, и только ветер завывал от бессилия и обиды, закручивая пенные гребешки волн.

Я поднялся на верхнюю палубу. Двое матросов что-то высматривали прямо по курсу. Неожиданно один из них вытянул руку вперед и, как мне показалось, буднично и даже безразлично сказал:

— Остров Беринга!

— Где?— не сдержался я.

— А во-он,— показал матрос.— Да не туда смотрите, чуть левее. Видите?

Над темной полосой горизонта — неясные очертания сопки — сказочные хрустальные дворцы.

Вот он, главный остров Командор! Вот она, затерявшаяся в океане точка. Со школьной скамьи она манила

меня своей загадочной отдаленностью. Даже в ее названии угадывались таинственные истории, дальние морские походы, великие открытия.

* * *

Командоры — крайне западное ответвление Алеутской островной гряды. Омываются с севера Беринговым морем, а с юга — Тихим океаном. Состоят из двух больших островов — Беринга и Медного, и двух малых — Топорков и Сивучий. Недалеко от этих островов множество торчащих из воды скал.

От Петропавловска-Камчатского до самого большого острова — Беринга — около 380 километров. Длина его — 90 километров, ширина — от 15 до 40.

Остров Топорков находится в четырех с половиной километрах от острова Беринга и в ясную погоду хорошо виден из села Никольского. Его кочковатая, покрытая дерном поверхность вся изрыта норами — гнездами симпатичных морских птиц топорков.

От острова Топорков до Сивучего, или, как его еще называют, Ария камня, почти 10 километров. Остров Сивучий — это скала, в окружности не больше километра. Зимой на нем находят пристанище сивучи — крупнейшие ушастые тюлени. А летом пернатые устраивают свои птичьи базары.

Геологический возраст Командор довольно юный. Своим рождением они обязаны вулканическим силам. Поднятый со дна океана вулканический хребет постепенно был разрушен морем и ветрами. Самые высокие точки острова Беринга: гора Стеллера (высота 757 метров) и Дикая (720 метров). В северной части острова множество мелких озер и болотистых участков. На юге возвышаются горы. Их разделяют узкие речные долины.

Были ли на Командорских островах до прихода экспедиции Витуса Беринга люди? Ученые отвечают неопределенно.

Но известно точно, что еще в конце XVII— начале XVIII века русские поселенцы на Камчатке знали: на востоке от устья реки Камчатки есть какие-то острова.

В 1710 году эти слухи дошли до города Якутска. В приказной палате были допрошены служилые люди. Один из них, Михайло Наседкин, показал, что восемь лет назад он был послан вместе с приказчиком Многогрешным из Анадырского острога в Камчадалский.

На лыжах и нартах добрали они до устья реки Камчатки, чтобы усмирить «немирных камчатских мужиков». «И против Камчатского де устья значится остров, а какие на том острову люди есть, того он, Михайло, не ведает, и преж сего на том острову русские люди бывали ль, того де он, Михайло, ни от кого не слышал»¹.

Примерно в те же дни, когда в якутской приказной палате был допрошен Михайло Наседкин, приказчику Осипу Миронову поручили обследовать остров, который находится напротив устья реки Камчатки. Узнать, что за люди живут там, какой веры, какие водятся животные, а также составить подробную карту острова.

Добрался ли до неизвестного острова, выполнил ли Осип Миронов приказ? Скорее всего, нет.

Зимой 1725 года, за несколько недель до своей смерти, тяжело больной Петр I написал собственноручно наказ Камчатской экспедиции. Была поставлена задача пройти от Камчатки морем на север, чтобы выяснить, есть ли пролив между Америкой и Азией. Ведь даже

¹ Памятники сибирской истории XVII века. Т. II, Спб., 1882—1885, с. 502.

в начале XVIII века еще не знали о существовании пролива между этими континентами.

Начальником экспедиции Петр I назначил опытного капитана Витуса Беринга. Почему выбор пал именно на него? Беринг был давно известен царю, еще со времен похода на Азов. Во время Северной войны Витус Беринг выполнял специальное задание Петра. Бывалому капитану было поручено провести из Копенгагена в Кронштадт корабль «Перл», а из Белого моря, вокруг Скандинавии, корабль «Селафаил», построенный на архангельской верфи.

Несомненно, Петр I ценил в Беринге знатока морского дела, добросовестного, исполнительного моряка.

Заместителем начальника экспедиции был назначен молодой офицер, один из «птенцов гнезда Петрова», Алексей Чириков. Это его при выпуске из Морской академии Петр I, присутствовавший на экзаменах, за хорошие знания приказал досрочно произвести в унтер-лейтенанты.

Экспедиция растянулась на много лет.

29 мая 1741 года началась Вторая Камчатская экспедиция. Из Авачинской бухты, где находится теперь Петропавловск-Камчатский, вышли два пакетбота: «Святой Петр» под командованием начальника экспедиции капитан-командора Витуса Беринга и «Святой Павел» под командованием Алексея Чирикова.

20 июня густой туман разлучил корабли, и дальнейшее плавание они продолжали отдельно. Лишь через полтора месяца «Святой Петр» достиг берегов Америки. Свершилось второе открытие Америки с востока.

Однако дальше продолжать плавание было опасно. Начались ураганные ветры. И Беринг решил возвращаться на Камчатку. Свирепый шторм поджидал первопроходцев на обратном пути. Семнадцать суток не выпускал он пакетбот «Святой Петр» из своих лап. Ни опытные офицеры, ни сам капитан-командор уже не могли определить местонахождение своего корабля.

4 ноября вахтенный увидел землю, похожую на побережье Камчатки. К этому времени почти вся команда болела цингой. Шторм порвал ванты. И пользоваться парусами стало почти невозможно. Гибель судна и людей казалась неминуемой. Около больного Беринга состоялся совет. Участвовали все, кто мог дойти до его каюты. После споров приняли решение подойти к берегу.

Но и здесь первопроходцев поджидала беда. Лопнул прогнивший якорный канат, и подхваченное бурунами судно понесло к прибрежному рифу. Вот она, гибель... Люди опускались на колени, молились.

Но случилось чудо. Набежала огромная волна и перебросила «Святого Петра» через камни. Судно оказалось неподалеку от берега, в спокойной воде. Так закончилось пятимесячное плавание Второй Камчатской экспедиции.

Впрочем, в эту ночь вряд ли кто, кроме Беринга, знал, что земля эта не Камчатка, а пустынный остров. Но чтобы не лишить людей последней надежды, командор скрыл от команды истину.

Измученный экипаж высадился на берег. Вскоре все узнали, что находятся на необитаемом острове. Для жилья принялись выкапывать ямы. Сверху их покрывали остатками парусов. Экипаж «Святого Петра» таял с каждым днем. Только во время высадки на берег умерло 12 человек. Больных укладывали в ямы, прикрывали парусиной и засыпали сверху песком. Это помогало согреться и спасало беспомощных людей от укусов наглых песцов. Их оказалось множество на острове, и они совсем не боялись пришельцев.

Полное отсутствие на острове леса возмещалось выброшенными на берег деревьями. Питаться в основном приходилось птицами. Потрепанный штормами «Святой Петр» был непригоден к плаванию. Надвигалась долгая, метельная зима, и возвращение на Камчатку отложили на год.

Из 77 человек экипажа в живых осталось только 46.

8 декабря от цинги умер капитан-командор Витус Беринг. Умер он, как и другие моряки, в яме, полузасыпанный песком. Командор не разрешал себя откапывать. Под толстым слоем песка, ему казалось, было теплее.

Командование экспедицией принял на себя старший по чину лейтенант Свен Ваксель. На офицерском совете по его предложению остров был назван именем Беринга.

Прибытие в Никольское

Теплоход «Петропавловск» замер на рейде в полумиле от берега.

Тихая бухта. Белые дюны. Приземистые сопки с плоскими вершинами.

На палубе собралось человек двадцать пассажиров с чемоданами, сумками, портфелями. Ждали высадки на остров Беринга. Был месяц май, но весь остров покрыт снегом. И только в селе Никольском снег лежал редкими пятнами.

Никольское — единственный населенный пункт на Командорских островах. К тому же это и центр Алеутского национального района в нашей стране. С верхней палубы теплохода просматривается каждый домик Никольского.

С берега подошла безымянная посудина — самоходная баржа, похожая на огромное корыто. На нем перевозят людей и грузы с «Петропавловска» на берег. Спустить трап на это суденышко невозможно из-за его малых размеров, поэтому людей высаживают в корзинесетке из толстых канатов. Вместе с пятью пассажирами влезаю в нее. Заворчала грузовая стрела «Петропавловска», и мы медленно оторвались от палубы. Покачиваясь, на некоторое время повисли над водой, потом — вниз, к суденышку. Едва успели выйти из корзины, как снова заработала стрела.

Наконец выгрузка закончилась. Мы отошли от борта теплохода.

На бревенчатом причале острова собралась толпа — встречающие и те, кто просто пришел поглазеть на приезжих. Ведь пассажирское судно у острова Беринга — событие. Один раз в неделю заходит оно сюда, а длится навигация с мая по ноябрь. Единственное пассажирское сообщение Командорских островов с материком прекращается почти на полгода...

Меня должен встретить Михаил Титеев. Друг друга мы никогда не видели.

О Титееве мне рассказывал первый секретарь Камчатского обкома комсомола Валерий Кучеренко.

Михаил — горьковчанин. Закончил биофак университета. Учителемствовал. Потом приехал на Камчатку. Думал, на два-три года, но вот уже шесть лет прошло, а покидать эти края не собирается. Был избран секретарем самой крупной районной комсомольской организации в области. Потом — служба на флоте. После демобилизации — Командоры.

Валерий Кучеренко усмехнулся:

— Журналисты и писатели питают слабость к слову «самый». Ну так вот. Михаил Титеев — секретарь од-

ного из самых отдаленных от Москвы райкомов — Алеутского райкома комсомола.

...Швартуемся. Вглядываюсь в лица встречающих. И еще издали безошибочно отыскиваю Михаила в толпе.

От причала шли по вязкой дороге. Тишина в селе. Только чайки жалуются на что-то океану, да где-то за сараями урчит трактор.

Мы поднялись по уцепившейся за крутой холм шаткой деревянной лестнице и остановились у двухэтажного здания. Таких много в селе Никольском.

— Ну, вот и наша гостиница,— сказал Михаил.

Над одним из трех подъездов большими буквами — два слова: «Гостиница «Чайка»».

Первая ночь на острове Беринга

Маленькая комнатка в гостинице. В окна ломится ветер с океана. Ночь. На рейде недалеко от берега замерло судно.

Туман за окном то собирался в тяжелые клубы, то превращался в капли моросящего дождя. В разрывах тумана сверкающими тропинками разбежались по воде судовые огни.

Мне жаль людей, которых не притягивают эти огни, тех, кто не слышит их музыки.

Во многих гаванях мира я видел огни стоящих на рейде тружеников морей. В них кроется какая-то тайна. В них загадки океанов, дальних стран, неведомых земель. Они братья отраженным в море звездам.

Не спится. Из репродуктора доносится тихий голос: «В Москве сейчас 15 часов, в Ашхабаде — 17, в Караганде — 18, в Красноярске — 19, в Иркутске — 20, в Чите — 21, в Хабаровске — 22, в Южно-Сахалинске — 23, в Петропавловске-Камчатском — полночь».

Как просто и буднично прозвучали эти слова. Девять часов разницы с Москвой. В голову лезут мысли: «Куда же тебя занесло? Попал на край света!» Хотя все это условно. Ведь люди, живущие на острове Беринга, не считают себя оторванными от мира, ущемленными расстоянием. Да и я так не считаю, просто эти мысли навеяли слова диктора, маленький прокуренный номер в гостинице, беззвездная беспокойная ночь, судовые огни и ветер с океана.

Снова раскрываю книгу Свена Вакселя, славного сподвижника командора. Неистовый лейтенант возглавил экспедицию в самое трудное для нее время, во время болезни и после смерти Беринга.

«В нашей команде оказалось теперь столько больных, что у меня не осталось почти никого, кто бы мог помочь в управлении судном. Паруса к этому времени изнасились до такой степени, что я всякий раз опасался, как бы их не унесло порывом ветра. Заменить же их другими, за отсутствием людей, я не имел возможности. Матросов, которые должны были держать вахту у штурвала, приводили туда другие больные товарищи, из числа тех, которые были способны еще немного двигаться...»

Ветер за окном усиливался. Того и гляди, высадит стекла. Наверное, и тогда, осенью 1741 года, был такой же ветер, набатом гудел океан. Только не было этой уютной гостиницы, электрического фонаря за окном, тихой песни из репродуктора.

«Матросы усаживались на скамейку около штурвала, где им и приходилось, в меру своих сил, нести рулевую вахту. Когда же вахтенный оказывался уже не в состоянии сидеть, то другому матросу, находившемуся в таком же состоянии, приходилось его сменять у штурвала...»

Лишь поздно ночью я смог оторваться от книги. Выключаю свет. Завтра рано вставать. А в эту ночь ко мне в гости придут, гремя сапогами, суровые первопроходцы и будут вспоминать страшную осень 1741 года, и Свен Ваксель простуженным голосом продолжит свой печальный рассказ...

«Сам я тоже с большим трудом передвигался по палубе, и то только держась за какие-нибудь предметы...»

Я не мог ставить много парусов, так как в случае необходимости не было людей, которые могли бы их снова убрать. И при всем том стояла поздняя осень, октябрь, ноябрь с сильными бурями, длинными темными ночами, со снегом, крупой и дождем...»

По селу за околицу

...Тихое, светлое утро. Солнца нет. В белесом небе кое-где проступают голубые клочки. Неподалеку от гостиницы — невысокий холм. С него видно все Никольское. Потемневшие избушки, двухэтажные дощатые

домики — голубые, зеленые, желтые, а за ними — квадратики огородов. На окраине села — торопливая речка Гаваньская, впадает прямо в океан. Через нее опрокинут бревенчатый мостик, за ним до заснеженных сопок — береговые дюны.

С холма спускаюсь на главную улицу Никольского. Немноголюдно: рабочий день. Ремонтируют двухэтажный дом строители. Пробегают мимо ребятишки — наверное, в школу торопятся. Женщины катят детские коляски. Возле афиши нового фильма два старика о чем-то спорят. Увидели меня — замолчали. Два любопытных взгляда прощупали с ног до головы. Определяют: приезжий. Старики здороваются первыми, я — в ответ. И снова между ними разгорается спор.

А вот и площадь в центре Никольского. Над кручей — памятник Владимиру Ильичу Ленину. Вдали виднеются чуть окутанные туманом сопки и два островка в океане. Это Арий камень и остров Топорков.

Спускаюсь к берегу. Здесь почти не осталось жилых домов: магазины, складские помещения, мастерские, столовая, библиотека, музей. Старые дома да избы. Не то что в верхней части Никольского.

Откуда пошло название села? Старожилы говорят, в честь престольного праздника. Ведь первопоселенцы острова Беринга исповедовали православную веру. Об этом теперь напоминает лишь бывшее здание церквушки. Жители острова Беринга оказались не очень-то привлекательными верующими, и после революции переоборудовали церковь в районный Дом культуры. Долго служил он никольчанам, пока не построили новый.

Я хотел идти дальше за околицу вдоль речки. Но ворвался в село ветер, развесил непроглядные туманы. Заморосило. Теперь еле разглядишь дорогу под ногами. Кончилась моя прогулка. Надо возвращаться в гостиницу. Что поделаешь, Командоры — самое туманное, самое облачное место в Советском Союзе.

Дожить до весны

Каждый день Свен Ваксель подолгу стоял на морском берегу. Шел снег, завывала пурга, но лейтенант не обращал внимания. Казалось, ничто не может отвлечь его от тяжелых мыслей.

Что ждет впереди? Как продержаться до весны? Хватит ли сил и умения у оставшихся в живых построить из обломков пакетбота «Святой Петр» новое судно и добраться до Камчатки?

Главное — дожить до весны, а там...

Трудно было оставшимся в живых. Вакселю — вдвойне, как начальнику и... отцу. Свен взял в экспедицию своего малолетнего сына.

Главное — дожить до весны...

Выброшенное на отмель судно под действием сильных приливов почти на девять футов погрузилось в рыхлый песок. Трюмы были залиты морской водой.

Люди смогли вырваться из смертельного морского плена. Но дала ли спасение земля?

Спустя несколько лет в своей книге «Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга» Ваксель напишет: «Оказалось, что запасов продовольствия было так мало, что на каждого человека к выдаче пришлось ежемесячно вначале по тридцати, затем по пятнадцати фунтов ржаной муки, которая, однако, вскоре совсем окончилась...

...Решено было также, что с наступлением весны все должны перейти на питание травами и корнями диких растений, которые каждый должен был сам себе собирать, с тем чтобы сохранить восемьсот фунтов ржаной муки в качестве запаса для нашего морского путешествия — переезда с острова на материк. Было постановлено всем, без различия звания или чина, как высшим, так и низшим, выдавать одинаковый паек, не считаясь с лицами или положением».

Дожить до весны...

Зима на остров пришла рано. Утонули в снегах и тундра, и сопки. Труднее стало собирать травы и коренья. Все реже встретишь куропаток. Люди продолжали умирать. Наглые песцы нападали на ослабевших. Разрывали могилы и выгрызали у мертвых щеки, нос, уши.

Иногда море выбрасывало на берег малопригодные в пищу туши морских бобров или котиков. Люди разделяли их и ели жесткое сырое мясо. Праздничные дни наступали, когда удавалось убить морскую корову. По свидетельству участников экспедиции, мясо этого безобидного морского животного не уступало телятине. Но удача не баловала людей. Несколько раз море прибывало к берегу мертвых китов. Чуть прогнившие туши тут же

разделявались. Мясо и жир делились между всеми поровну.

Чтобы хоть немного согреть холодные ямы и сварить еду, приходилось целый день собирать на берегу выброшенные морем деревья...

Дожить до весны...

Немногие дожили до нее.

Но весна пришла... И остатки команды во главе с лейтенантом Вакселем добрались до Камчатки. Так в августе 1742 года завершилась Вторая Камчатская экспедиция.

II.

ГЛАВНОЕ БОГАТСТВО КОМАНДОР

Дары моря

Было время отлива. Из моря уродливыми клыками торчали камни. Сказочным чудищем шевелились и блестели на солнце прибрежные луга. Ноги по колена утопали в коричневой массе водорослей.

— Видал, какое богатство под ногами? И название красивое придумали — «дары моря». Вот только не научились еще разумно этими дарами пользоваться. — Михаил Титеев на секунду замолк и снова продолжил. — Помнишь вчерашний разговор у председателя райисполкома?

— О чем? — не сразу понял я.

— О том, что надо развивать на острове Беринга животноводство и птицеводство, — напомнил Михаил. — Пока мяса, молока и яиц у нас достаточно. Но население растет, и необходимо улучшать снабжение Никольского своими собственными продуктами, увеличить поголовье

скота и птицы. Для этого нужна устойчивая кормовая база и хорошо продуманная заготовка кормов.

Михаил нагнулся и выдернул из воды пучок морских трав.

— Нам не решить эту проблему, если мы не будем использовать местные ресурсы,— он вытянул вперед кулак с водорослями.— Вот они, наши неиспользованные ресурсы. На Командорах — богатейшая водорослевая флора прибрежных участков. Ученые насчитали около 180 видов.

«А ведь и правда,— подумал я,— сколько мне пришлось поездить, на скольких морях побывать, нигде не встречал такого обилия водорослей. Современная эксплуатация человеком океанов и морей намечает интенсивную разработку их зеленых ресурсов. Насколько добыча водорослей облегчит задачу развития животноводства! В некоторых странах я видел, как скот выгоняют во время отлива на берег, и с каким удовольствием поедается морская зелень!..»

Советский исследователь Сергей Владимирович Макаров, много лет посвятивший изучению Командорских островов, писал: «На Командорских островах, благодаря удобрению водорослями, главным образом алариями и ламинариями, удавалось получать очень высокие урожаи картофеля, не говоря уже об урожаях корнеплодов».

— Знаешь, сколько преимуществ у кормовой муки из водорослей перед луговым сеном? — прервал мои размышления Михаил. И, не дожидаясь ответа, начал загибать пальцы на руке.— Во-первых, по сравнению с луговым сеном она содержит больше белков. Во-вторых, больше безазотистых и минеральных веществ. И в-третьих, в водорослевой муке меньше клетчатки. И вообще, водорослевый корм стимулирует жизнедеятельность животных и птиц.

А благодаря витаминам, микро- и макроэлементам, ценным кислотам и солям, которых в водорослях предостаточно, их можно применять для предупреждения авитаминозов. Особенно это нужно весной и зимой. Скажем, в ламинариях — от 5 до 15 процентов белка, около 70 процентов углеводов, 3 процента жира и почти $\frac{1}{5}$ часть минеральных веществ.

— Говорят,— перебил я Михаила,— морская зелень имеет целебные свойства?

— Как биолог по образованию, подтверждаю, — ответил Михаил. — У меня в университете была курсовая работа на эту тему. Кстати, каких-нибудь 200 граммов водорослей в суточный рацион скоту увеличивают удои молока и повышают его жирность. Скажем, к примеру, от морской капусты животные быстрее прибавляют в весе, а яйценоскость кур повышается на 10—12 процентов. Употребление водорослей животными не придает постороннего привкуса ни молоку, ни мясу.

— А я как раз хотел спросить об этом. Приходилось как-то слышать, что мясо животных, кормленных водорослями, имеет специфический запах.

— Ерунда, — махнул рукой Михаил. — Дилетантские измышления.

— Ну хорошо, в пользу водорослей убеждать никого не надо. Об этом уже много пишут и говорят. Но как практически осуществить сбор и заготовку морских трав? Не окажется это слишком дорогим удовольствием?

— Нет, — покачал головой Михаил, — добывать и обрабатывать водоросли легче и выгоднее, чем выращивать, скажем, овес. Один гектар морского дна при научном подходе к добыче и заготовке прокормит стадо коров в 50 голов в течение года.

Долго еще стояли мы на берегу, смотрели, как суетятся среди камней кулички, как все дальше отступает к горизонту прибой и как медленно шевелятся коричневые луга — богатства, дарованные человеку морем...

Первый

— А ну-ка, дай попробую!

Я не заметил, откуда появился этот человек. Он лихо вскочил на гусеницу трактора и чуть насмешливо спросил у тракториста:

— Что там барахлит?

Парнишка растерянно пожал плечами.

— Кто это? — спросил я.

Один из стоявших рядом рабочих зверозавода удивленно взглянул на меня:

— Это же наш первый, Федор Гаврилович Киселев... Толковый мужик. Правда, крутоват немного. Ну, да в нашем климате иначе нельзя. Мы все здесь не сахар.

— И песню на корякском поет, и гопадк спляшет, и лошадь подкует,— с улыбкой подхватил другой рабочий.

— Ну, насчет лошади не знаю, а трактор сейчас работает...

И действительно, едва были сказаны эти слова, как басовито заурчал выздоровевший трактор. Довольный паренек нырнул в кабину, а Киселев спрыгнул на землю и весело подмигнул нам.

О первом секретаре Алеутского райкома партии я слышал много. Волгарь, из многодетной крестьянской семьи. После службы в армии приехал на Камчатку. Работал на севере полуострова. Водитель вездехода, грузчик, рыбак, тракторист. Потом — партийная работа, учеба в Высшей партийной школе и, наконец, Командоры.

Мы познакомились с Киселевым в райкоме партии. Долго беседовали в его кабинете, а потом он пригласил к себе домой.

Что может лучше рассказать о хозяине дома, как ни его библиотека. Искусство и советское строительство, поэзия и экономика, но в первую очередь в глаза бросается литература о Камчатке и Командорских островах.

Старики-алеуты говорят: «Лучше Киселева вряд ли кто в Никольском знает историю Командор».

В наши дни прочно утвердилось мнение: в результате научно-технической революции человек слабеет, деградирует. В своих взаимоотношениях с природой он стал меньше работать мускулами, заменяя их всевозможными техническими средствами, и, значит, начал утрачивать то, что приобрел за сотни тысяч лет своего развития.

Стали слабее руки, слух притупился, не та зоркость глаза. Потому, наверное, современный человек уже не в состоянии воспринимать, как в давние времена, море, леса, горы, звезды. Он уже не чувствует себя частью природы, он чужак, он ее покоритель, он все меньше зависит от нее. Много за свою историю натерпелся человек от природы. Слишком часто приходилось кланяться ей. И теперь, когда человек стал сильнее, начал безрассудно поработать ее. Всего этого не скажешь о Киселеве.

Его работа — это постоянное общение с людьми. Общение, в котором нельзя быть равнодушным. Предельное внимание к человеку, не наигранное, а искреннее сопереживание его радости и горю, умение убедить окружающих в том, в чем убежден сам. Таков коммунист

Киселев. Таков он и в общении с природой. Пожалуй, это особый дар.

Вот уж кого не назовешь пасынком природы. Как художник, он любит закатами над океаном, с вниманием композитора слушает оркестры птичьих базаров, с восторгом поэта рассказывает о земле Командорской. В этом я сам вскоре убедился.

— Человек вправе разумно вмешиваться в дела природы. Но капризам и своеволию природы можно противопоставить только грамотный, экономически обоснованный и дальновидный подход к ее освоению. Охрана природы должна сочетаться с ее планомерным преобразованием в интересах нашего и будущих поколений.

Очень часто мне приходилось слышать эти слова от Федора Гавриловича. Это его кредо.

Однажды я спросил у Киселева:

— Не тянет назад, в родные места? Все-таки родились и выросли на Волге. Может, пора на материк?

— Не знаю,— как-то беспечно ответил он.— Не задумывался.

Мне показалось, что за этой беспечностью кроется нежелание Киселева делиться планами на будущее. Но я ошибся.

— Вру!— неожиданно выпалил Федор Гаврилович.— Думал об этом, и не раз. А однажды решил все же вернуться на Волгу. Приехал я в то лето погостить к своим родственникам в деревню. Проснулся в первое утро и на мгновение забыл, где нахожусь. Глянул в окно: черт побери, нет сопок! Представляешь? Сопок нет! На весь день настроение испортилось. Тоскливо мне без них, без океана. Вот так-то. А ты говоришь, на материк...

Невидимые ворота

...А потом ветер стих. И стало как-то непривычно тихо. Так тихо, что казалось, серебристо звенит мелкорослая тундровая травка. В небе легкими шелковыми лоскутами замерли облака.

И вдруг откуда-то с вышины брызнула веселая песня крапивника. Эту маленькую коричневую птичку с бойко вздернутым хвостиком иногда называют командорским соловьем. Как-то я слышал от ученых-зоологов, что в день он поет около двух тысяч песен.

Крапивник то камнем падал вниз и протяжно всхлипывал, то опять рвался вверх, превращаясь в черную точку. Я отыскал его взглядом среди воздушного простора и принялся следить за его игрой. «Командорский соловей» завлекал подругу.

Подзадоренные крапивником, на мелководье схватились два диких селезня. Прикрикнул на них баклан. Ах-ах — зашумели чайки.

Шагах в десяти от меня выскочил из норы взъерошенный песец: «Чего шумите? Что не поделили?» Зверек сердито кашлянул и замер, вытянув тощую облезшую шею. Я сделал два неслышных шага, но песец почуял меня. Вначале вздрогнули уши, потом он как-то сжался и резко повернул голову. «А это еще кто появился?» — говорил весь его вид.

Я шагнул навстречу песцу, но зверек не пожелал познакомиться со мной поближе. Он сердито заворчал и затрусил прочь.

Смолк крапивник. Запричитали на разные голоса чайки и полетели к морю. Следом за ними — баклан. Отпрянули друг от друга селезни и с шумом рванулись прочь. И лишь вдали еще слышалось тьяканье песка, но и оно скоро стихло.

Все... Захлопнулись невидимые ворота в мир тундры.

Главное богатство Командор

Пожалуй, нет в Никольском человека, который не знал бы, что в тридцати километрах от села, у северной оконечности острова, за болотистой, с черными торфяными озерами тундрой, заросшей ирисами и пушицей, на каменистых отмелях — одно из двух беринговских лежбищ котиков. В народе говорят: морские котики — главное богатство Командор.

С грохотом на все Никольское к гостинице подъехал вездеход. Я влез в кузов, покрытый брезентом. Федор Гаврилович Киселев через окошко с грязным стеклом сделал водителю знак: «Поехали».

Вездеход резко рванул вперед, из-под его гусениц полетели комья грязи, и мы затряслись на ухабах.

В кузове нас трое: охотовед Николай Мымрин, Федор Гаврилович Киселев и я.

— Далеко до лежбища?— спросил я, стараясь перекричать шум мотора.

— Около часа езды,— так же громко ответил мне Мыррин.— А вы первый раз на лежбище?

— Первый. Морских котиков видел только по телевизору.

Мне показалось, что Николай даже обрадовался этому.

Вездеход внезапно остановился.

— Кто хочет со мной на крыше ехать?— спросил Киселев и, не дожидаясь ответа, раздвинул брезент и переманул через борт кузова.

Я вопросительно посмотрел на Мыррина.

Николай развел руками: не могу, насморк, на ветру простужусь еще больше.

Я спрыгнул в снег и провалился выше колен.

Киселев уже сидел на крыше кабины.

— Не боитесь замерзнуть? А то можно сесть в кабину к водителю.

— Не замерзну,— ответил я, усаживаясь рядом с Федором Гавриловичем.

— Вообще-то правила техники безопасности запрещают ездить на крыше,— подмигнул Киселев.— Ну ничего. Нарушим. Только покрепче держитесь. У нас хоть и конец мая, а вся тундра под снегом. Летняя дорога не видна, так что придется по кочкам прыгать, и тут главное — не слететь с вездехода.

Из кабины выглянул водитель:

— Можно трогать, Федор Гаврилович?

— Давай, Вить!— махнул рукой Киселев.

Вездеход снова ринулся вперед. Казалось, что маленький кораблик несется по молочному морю. Куда ни помотришь — всюду белая снеговая гладь и не за что уцепиться взглядом. Спит еще тундра. Лишь сзади тянется след вездехода, и далеко-далеко, в той стороне, где осталось Никольское, еле видны силуэты сопки.

Вскоре вездеход взял круто влево, и как-то неожиданно кончилось белое раздолье. Впереди показались сопки, освободившиеся от снега, желтая тундра, кое-где пробивалась молодая травка, а за ними — сизая полоса океана. Мы словно одним прыжком перенеслись из зимы в осень или весну. Чем ближе к воде, тем меньше снега. Широкая береговая полоса полностью очищена от него.

Неожиданно Киселев трижды стукнул по крыше кабины, и вездеход остановился.

— Приехали,— скомандовал Киселев.

Я удивленно огляделся по сторонам.

«Где же лежбище котиков? Кругом ни одного живого существа».

Перехватив мой недоуменный взгляд, Федор Гаврилович засмеялся.

— До лежбища надо пешком идти еще с полкилометра. Шум вездехода может напугать котиков.

Мы поднялись на песчаный холм, спустились в лощину и снова стали взбираться вверх.

Тропинка поднималась все круче и круче. Последний кустарник, каменная макушка скалы, и вдруг что-то необъятное ударяет сознание. Синей вспышкой пронзается мир. Простор взмахивает крыльями, и от этого поеживаются сопки. Их испуг подхватывают вздохи ветра. Простор срывается со скалы, распрямив крылья, и кружит в бесконечном парении... Океан!.. Он идет в наступление на землю и пытается ухватить край неба. Он примиряет даль с берегами.

Пронзительно врывается в этот простор многотысячный крик морских котиков. Ревут могучие секачи. Они выходят на берег из океана и отбивают для себя лучший клочок суши. Возбужденно блеют обиженные секачами годовалые самцы и сбиваются в небольшие стада. Фыркают самочки, приставая к гаремам секачей. Куда ни взглянешь — по всему побережью лоснящиеся черные и темно-коричневые тела котиков. А из океана выходят на берег все новые и новые сотни этих удивительных морских зверей. Кажется, что они рождаются прямо здесь, из океанской пены, простора и буйного ветра.

— Вот оно — главное богатство Командор,— тихо произнес у меня за спиной Киселев, не пытаясь скрыть своего восхищения.

Еще до XVIII века о котике почти ничего не было известно. Айны и камчадалы сообщали первым русским землепроходцам, что добывают у берегов зверей, похожих на тюленей. Меха этих зверей красив, а шкуры очень крепкие. Однако где эти тюлени обитают, почему появляются возле берегов лишь весной и осенью, никто не знал.

Выдающийся ученый-исследователь, участник Второй Камчатской экспедиции, Георг Стеллер, оказавшийся

в трагические дни ноября 1741 года на острове Беринга, первым изучил и подробно описал жизнь морских котиков, побывал на их лежбищах, увидел, как они размножаются.

В отличие от своих сородичей — других видов тюленей — котики не ползают по суше, а ходят и даже бегают. Они прекрасно приспособлены к жизни в океане. Тепло плывущего котика удивительно обтекаемо, легко и стремительно рассекает воду. На берегу они менее подвижны.

Головка у котика по сравнению с телом кажется очень маленькой. Мордочка у него заостренная. Глаза огромные, с темно-радужной оболочкой. Даже издали заметны светлые усы. У старых секачей они достигают почти 30 сантиметров. Задние лапы котиков длиннее передних. В летние месяцы, когда зверь находится на суше, лапы обеспечивают отдачу излишнего тепла тела.

Новорожденные котики почти черного цвета. Поэтому их называют «черненькими». Мех у новорожденных легко намокает, и первые три месяца они не покидают берега. К осени мех «черненьких» становится настолько густым, что они уже могут, как и взрослые котики, находиться в море много месяцев, не намокая. Ученые подсчитали: общее количество волос на квадратном сантиметре у них — до 49 000!

Выходящим весной на лежбище морским котикам, прожившим до этого в океане более шести месяцев, достаточно встряхнуться, чтобы оказаться сухими. Большую часть жизни котики проводят в море. Лишь поздней весной, летом и в начале осени они на суше.

В воде их спасает от низкой температуры не только густой мех, но и толстый слой подкожного жира.

Особое значение для котиков в летний период приобретает терморегуляция. При длительном движении по суше наступает перегрев тела, хотя температура окружающего воздуха не превышает десяти градусов тепла. Это может повлечь за собой гибель животного.

Котики встречаются в Тихом океане, от Берингова пролива до Японских островов и Калифорнии. Почему именно эти географические районы привлекают котиков?

По мнению ученых, места их обитания характеризуются смешением холодных и теплых вод океана. Здесь бывают густые туманы, а дожди, как правило, мелкие,

морозящие. В этих местах нет палящего зноя. Океан у берегов прогревается слабо, что создает своеобразие микроклимата котиковых лежбищ.

Существуют четыре основных района размножения этих морских животных: Командорские острова, остров Тюлений, некоторые острова Курильской гряды и острова Прибылова, относящиеся к Соединенным Штатам Америки.

Почему котики выбирают определенные острова для своих лежбищ? Это пока окончательно не исследовано.

Питаются котики в основном рыбой и кальмарами.

Выход на лежбище начинается в мае. Вначале на суше появляются взрослые самцы-секачи. Они занимают участок на лежбище и отдыхают, поджидая самок. Их собирается до пятидесяти к одному секачу. Как бы далеко ни заплывали самки во время зимних странствий, ко дню рождения детеныша они обязательно возвращаются на родное лежбище и выходят на сушу за сутки до рождения детеныша. Лишь первое время после появления на свет «черненького» мать очень заботливо ухаживает за ним. Защищает от других котиков и шныряющих по лежбищу песцов.

Немного окрепнув, «черненькие» собираются в отдельные группы на небольших площадках. Образовывается что-то вроде детского сада для котиков. Сюда приходят самочки покормить своих детенышей.

Как правило, участки гаремного и холостякового лежбища не меняются на протяжении многих лет. Это, пожалуй, связано с инстинктом дома, хорошо развитого у котиков. Ведь большинство из них из года в год возвращаются к месту своего рождения.

Крик секачей напоминает мычание коровы, а иногда — человеческие стоны. Порой они издают гортанное трещание или львиный рык. Голоса молодых котиков напоминают бляеные овец.

При появлении человека на лежбище котики часто покидают берег и пережидают опасность в океане. Как только секачи займут площадь для своего гарема, они становятся агрессивными и могут даже напасть на человека. Но такие случаи очень редки.

Только поздней осенью, когда распадаются гаремы, лежбища пустеют, шум на них затихает.

В ноябре, когда выпадает снег и умолкают птичья базары и начинаются осенние штормы, котики уходят

в океан. И только печальный крик оставшихся на зимовку чаек да сердитое покашливание песцов, шныряющих в поисках падали, можно услышать на опустевшем лежбище сквозь рев океана.

Последние котики уходят от родных берегов. Они плывут вдоль восточного побережья Камчатки, все дальше на юг. Плывут котики по ночам, а днем, как правило, спят, мирно покачиваясь на волне.

Эту короткую лекцию о жизни котиков мне прочел Николай Мырин, когда мы пробирались вдоль лежбища. Говорили вполголоса, чтобы не потревожить гаремных секачей, которые и без того уже косились в нашу сторону и недовольно ревели.

Шагах в тридцати от нас «черненький» оторвался от материнского живота, поднял вверх голову и застыл. Казалось, ничто его не заставит шелохнуться: ни рев секачей, ни удалое насвистывание ветра, ни суতোлка лежбища, ни радость солнечного луча, ни звонкие удары волн о камни.

Малыш делает первый глоток жизни. Такой же необходимый, как глоток материнского молока.

Близился полдень. Океан разгулялся не на шутку. Он тащил километровые сети прибоем, набитые галькой, вываливал их на берег и шлепал о скалы. И снова, и снова утаскивал камешковый грохот обратно в пучину.

Киселев долго смотрел куда-то в океан, а потом спросил у Мырина:

— Не помешает шторм выходу на берег самок?

— Такой? Нет,— быстро ответил Мырин.— Вот только бы не разгулялся сильней.

Океан, скалы и ветер бились, как сорванные паруса, схватывались друг с другом и неслись вперед на горизонт, где дождевые туманы уже перемешивались в бесполовую сумятицу бури.

А потом, отъехав подальше от лежбища, мы разложили в тундре костер. Огонь был ленивый, словно его сонным подняли с постели и бросили на влажные поляны. Деревянных обломков на побережье много, их каждый день тоннами выбрасывает океан в подарок безлесным Командорам.

— Всего несколько десятилетий назад,— продолжил разговор Федор Гаврилович,— многие считали, что поголовье котиков уже невозможно восстановить и что они исчезнут как вид.— Киселев на секунду задумался, про-

тягивая озябшие руки к костру.— Но все же котиков удалось спасти. Уже сейчас только у нас на Командорах их насчитывается около 200 000. Достижение такой высокой численности произошло благодаря надежной охране животных. Конечно, этому способствовали и долгосрочные международные соглашения об упорядочении промыслового использования котиков. Ведение современного котикового хозяйства базируется на научно обоснованном прогнозировании размеров промыслового изъятия животных. Так что забой определенной части котиков не приносит ущерба воспроизводству стада.

— На забой идут только молодые холостяки,— вступил в разговор Николай Мыррин.— И строго определенное количество.

— Почему только холостяки? — поинтересовался я.

— Во-первых, у них самый ценный мех, а во-вторых, забой определенного процента холостяков не причиняет вреда стаду,— пояснил Мыррин.— Добыча самок запрещена уже много лет. Во время отгонов холостяков с лежбища к месту забоя категорически запрещается распугивать самок и детенышей.

— И все же, — снова заговорил Киселев, — необходимо увеличивать поголовье командорских котиков. Что для этого надо? Пожалуй, прежде всего углубить изучение их биологии, их выживаемости в различные периоды жизни. Это повысит качество прогнозирования добычи котиков. Необходимо также усилить изучение их болезней, чтобы успешнее вести борьбу за снижение естественной смертности котиков, улучшить охрану тридцатимильной запретной зоны океана и моря вокруг Командорских островов и не допускать здесь промыслового вылова рыбы и кальмаров — главной пищи котиков. Особое внимание надо уделить чистоте океана. Судовое топливо, масла, различные бытовые отходы, обрывки рыболовных сетей — все это наносит непоправимый вред котикам. Довольно часто любопытные животные, особенно молодые, подплывают к обрывкам сетей и становятся их жертвами, попадая в ячейки головой. С сетью на шее котики теряют скорость и маневренность во время охоты за рыбой и спасаясь от страшного врага — касатки. Кроме того, по мере роста котика, попавшего в ячейку, этот «ошейник» может его задушить. Как видите, проблем непочатый край.

— Верно,— подтвердил Николай Мымрин.— И еще нужен строжайший учет поголовья котиков. Ресурсы природы следует особо тщательно и систематически учитывать, чтобы вовремя заметить снижение их количества.

Долго мы еще сидели у неяркого тундрового костра. Изредка ветер с лежбища доносил многотысячный рев котиков. Пошел мелкий дождь, и костер совсем сник, вот-вот спрячется под поленья.

— Надо возвращаться,— сказал Федор Гаврилович и надел на голову капюшон куртки.

Мы погасили костер и направились к вездеходу.

Олени битвы

Была ночь, и светилась вода в бухте. Отчаянно металась запутанная в тучах луна. Из океана вышли олени — два серебристых облачка поднялись над водой.

Что это? Как они оказались в океане? Может, олени решили искупаться? Или это моя фантазия, рожденная свечением воды? Но я никогда не слышал, чтобы олени купались в океане.

Нет, это не сон и не фантазия. Я видел, как стекает с них горящими струями вода, я видел, как два серебристых облачка плывут по воздуху в тундру.

Может, олени вышли из океана для меня? Чтобы я увидел чудо?..

Волны терлись о камни, и в их шуме не слышен бег оленей по ночному берегу. Удары копыт о камни окутывала темнота...

А утром над тундрой стелется гоночный рев.

Оу! О-о-оух!— кричит рослый бык, спускаясь на равнину с сопки.

Ох-ох-у-у!— принимает вызов второй: выходи, померяйся силой,— и нетерпеливо потряхивает головой.

Мы с Николаем Мымриным припадаем к высокой кочке, чтобы не спугнуть оленей. Не всякому, даже выросшему на Командорах, человеку удается хоть раз в жизни увидеть битву северных красавцев.

Сошлись, наконец, быки. Оленуха стоит в отдалении и кажется вначале совершенно равнодушной к происходящему. Как ни в чем не бывало она пощипывает травку и лишь изредка поглядывает в сторону своенравных

кавалеров. Поднимет на секунду голову, подергает ушами и снова за еду.

Быки тем временем кружили по тундре, сталкивались рогами. При этом раскатывался звук, будто стучали что есть мочи палкой о палку. Противники попеременно теснили друг друга. На мгновения они порой расходились и, поугав друг друга угрожающим ревом, снова сходились. Олени громко софели, и белая пена клочьями вылетала из открытых ртов.

Чем яростнее разгоралась битва, тем заинтересованней становилась оленуха. Она перестала щипать травку и теперь напряженно следила за поединком.

Но вот один бык, очевидно, устал. Под напором противника он все больше отступал и наконец отпрянул в сторону и стремглав бросился к сопкам. Победитель преследовал его лишь до перевала. Когда неудачливый соперник скрылся из виду, он, дрожащий еще от азарта схватки, проревел трубный звук победы и медленно направился к оленухе.

— Сколько слышал о смертельных поединках между оленями-самцами во время гона, а этот даже не преследовал по-настоящему соперника,— удивился я.

Николай Мымрин пожал плечами:

— По-моему, это все выдумки. У оленей почти не бывает смертельных поединков. Если противник стал уходить, другому этого достаточно. Можешь мне поверить, поединки у оленей честнее, чем у боксеров на ринге. Ну а подругу получает сильнейший. Правда, изредка случаются оленьи бои со смертельным исходом, но это лишь когда во время драки они сцепляются рогами.

Погода как погода

И опять ворвались в село ветры с океана, и опять заледенели снега.

Был конец мая, но как-то не верилось, что солнце сможет убрать с острова Беринга снежно-ледяные остатки зимы.

Всю ночь шел снег и мела поземка — совсем как в декабре. А хмурым утром неожиданно сквозь тучи прорвалось запоздавшее где-то солнце и тут же принялось за работу. К полудню закапало с крыш, зажурчали по всему Никольскому ручьи. Вода перемешалась со

снегом в звонкую, весеннюю кашу. Старый снег, который пролежал бы еще неделю, исчезал на глазах.

Алеуты называют последний весенний снег внуком, а зимний — дедом. Вот и говорят командорцы: «Внук за дедом пришел».

Жуткие морские ветры — бич Командорских остров. Особенно зимой. Как же они рождаются? Откуда приходят? Вопросы эти не праздные. Очень важно для народного хозяйства еще осенью правильно оценить идущие в океане и в воздухе гидрометеорологические процессы и предвидеть их развитие в зимнее время.

Командорцам особенно важно знать об изменениях погоды.

— Ведь мы находимся на переднем крае борьбы со стихией и зависим больше от ее капризов, чем жители материка, — говорят гидрометеорологи с острова Беринга.

По данным Ливерпульской страховой ассоциации, в мире ежегодно гибнет около 160 судов. А всевозможные повреждения получают почти 8 тысяч. Основная причина этих бед — гидрометеорологические условия.

Как же уберечь суда от произвола стихии? Как предотвратить многочисленные человеческие жертвы и материальные потери? Выход пока один — своевременное предупреждение о надвигающейся опасности.

К сожалению, прогноз погоды, особенно долгосрочный, пока еще не надежен. Причины разные. Это и сложность процессов, от которых зависит погода, и недостаток данных о состоянии атмосферы, океанов, морей, и глобальная деятельность человека. Несмотря на помощь электронно-вычислительных машин и другой сложнейшей техники, трудностей в работе у гидрометеорологов еще много.

Давно известна истина: чем больше человек будет знать о факторах, влияющих на погоду, тем правильнее будет прогнозирование. Постоянные гидрометеорологические наблюдения на острове Беринга начались в 1899 году. Вначале были простейшие наблюдения за температурой воздуха и скоростью ветра. С годами техника усложнялась, расширялся круг исследований командорских гидрометеорологов.

С 1957 года на острове Беринга начался регулярный запуск радиозондов, которые сообщают о состоянии атмосферы на высоте до 35 километров.

Если провести линию от Командорских островов вдоль Курильской дуги и дальше на юго-запад, то получится линия раздела двух воздушных масс: теплых, океанических, и холодных, образующихся над континентом. Этот раздел представляет собой наклонную поверхность. В метеорологии он называется фронтом. Название оправданно — ведь здесь встречаются воздушные массы с разными свойствами. И тогда начинается великая битва.

Поскольку скорость движения частиц в сталкивающихся массах воздуха неодинакова, на фронте образуется волна. Потом она превращается в вихрь, который несется по фронту с юга на север. Это и есть циклон. Движение в нем происходит против часовой стрелки. В передней части циклона движутся теплые массы воздуха. За ними образуется холодный фронт.

Циклон переносит в себе теплый и влажный воздух. Так доставляется тепло с юга на север. И тогда даже привыкшие к суровой непогоде командорцы говорят: «Заиграли настоящие ветра».

Конечная остановка циклонов — Командорские и Алеутские острова. Над ними накапливается теплый и легкий воздух. Образуется область постоянного низкого давления. Держится она почти всю зиму. Метеорологи называют эту область алеутским минимумом — важным центром действия атмосферы. Образование это не стоит на месте. В одни годы оно оказывается ближе к Камчатке, в другие — к Аляске.

Особенность ветрового и теплового режима Командорских островов объясняется не только влиянием циклонов, но и рельефом местности. Уже давно жители острова Беринга задумываются: как превратить яростные ветры Тихого океана из врагов в союзников? Ведь обилие ветров создает благоприятные условия для использования их энергии. Ветровые двигатели могут работать уже при скорости воздушного потока 3—4 метра в секунду. А на Командорах среднегодовая скорость ветра в два раза больше. Примерно 115 дней в году здесь отмечены сильные ветры — это когда скорость более 15 метров в секунду. Максимальная же быстрота может достигать 50 метров.

По подсчетам командорских гидрометеорологов, жители села Никольского видят солнце в среднем всего 881 час в году. Даже в самые теплые месяцы температура не поднимается выше 17 градусов. Но командорцы не

унывают и никогда не жалуются на погоду. А если это делает кто-нибудь из приезжих, они только пожимают плечами и чуть пренебрежительно отвечают: «Погода как погода».

Лахтак

— Не бойся меня, зайчик,— тихо сказала Галинка.— Какой ты красивый. А усы! Таких ни у кого нет, пушистых и длинных...

Девочка попыталась незаметно подойти к морскому зайцу. Тот отдыхал между двумя большими камнями. До него оставалось каких-нибудь пятнадцать — двадцать шагов. Зверь почуял опасность и испуганно поднял голову. «Чего тебе надо? Зачем пришла?» — беспокойные вопросы в глазах.

— Пожалуйста, не убегай,— попросила Галинка.— Я тебе ничего плохого не сделаю. Только поглажу, и все...

Зверь не понял девочку и на всякий случай оскалил зубы.

— Не сердись, зайчик. Чего ты боишься? Разве я похожа на лису или на волка? Зайчик!..

Последние слова девочки неслись уже вдогонку лахтаку. Трусика припустил к воде.

— И правда, пугливый заяц,— разочарованно махнула рукой Галинка...

Лахтаки — крупные тюлени — редкие гости на Командорских островах. Этим симпатичных ластоногих зверей называют еще морскими зайцами. Может, оттого, что у них по-заячьему раздвоена верхняя губа, а может, из-за пугливости. Резкое движение, незнакомый запах или шум — и лахтаки что есть мочи улепетывают к морю. Долго потом не решаются вернуться на берег.

Беспокойные соседи

Хозяева лежбищ — котики — не одиноки в своей просторной «квартире». Деловито суетятся серокрылые чайки, не обращая внимания на угрожающий рев секачей, то тут, то там спуют в поисках падали песцы, на прибрежных камнях отдыхают огромные, больше тонны весом, морские львы — сивучи, попискивают длинноклювые кулики, лапландские подорожники, мелькают юркие пуно-

чки и овсянки. Крылатые соседи котиков кормятся насекомыми, которых в свою очередь привлекает на лежбище обилие разлагающейся биомассы.

Невозможно представить лежбище и без таких птиц, как топорки, бакланы, ипатки, глупыши и чайки-моевки. И всё эти беспокойные соседи прямо или косвенно связаны друг с другом.

Серокрылых чаек можно назвать главными санитарами лежбища. Питаясь отходами котиков, они очищают побережье.

Чайки начинают наведываться на лежбище еще до массового выхода котиков на сушу. Здесь они собираются в крупные стаи.

Когда у серокрылых чаек появляются птенцы, им приходится большую часть суток курсировать между лежбищем и своими гнездами, расстояние между которыми иногда в несколько километров. В это время птицы становятся особенно шумными и драчливыми. Более опытные и взрослые теснят молодых, которых можно отличить по темным пятнам невылинявших перьев на голове, шее и груди. Но агрессивность чаек не распространяется на котиков и других обитателей лежбища.

Мне пришлось однажды наблюдать, как несколько любопытных «черненьких» двигались за чайкой, а та, не обращая на них внимания, занималась поисками пищи.

Остерегаются чайки только песцов. С опаской они отбегают или отлетают в сторону, как только рядом появляется этот зверек.

Песцы — тоже санитары лежбища. Они помогают и серокрылым чайкам в поисках еды. Питаясь падалью, эти зверьки прогрызают крепкие шкуры погибших котиков, и благодаря этому мясо животного становится доступным чайкам.

Правда, бывает, что особо обнаглевшие песцы нападают на «черненьких» и загрызают их. Но такое случается редко.

Да, происходят иногда стычки и конфликты между соседями, но все же чувствуется на лежбище мудрая рука хозяйки, которая заставляет жизнь обитателей этого дома двигаться в едином ритме. Имя хозяйки — природа.

Кулики

Мы устали. Устали так, что повалились прямо на жесткий моховой ковер тундры, не снимая рюкзаков. Не было сил пошевелиться. Даже сигареты остались нетронутыми в карманах. Не хотелось думать, что надо идти дальше.

Над тундрой, пригретой солнцем, струилось легкое марево. Далеко, между двумя сопками, виднелся кусочек моря. До него оставался какой-нибудь час пути. Мы смотрели на кусочек моря, молчали, и никто не решался произнести одну лишь фразу: «Пора подниматься!»

Сверху слышались переливчатые звуки. Мы задрала головы. Над тундрой пронеслась стайка куликов. Маленькими стрелами они метнулись в сторону моря.

Мы проводили их взглядом. И тогда, не сговариваясь, неуклюже оторвались от пригревшего мохового ковра, поправили рюкзаки и молча зашагали вслед за куликами.

Песец в старом валенке

Даже в самое благодатное время года песцы не отличались скромностью. А в мае, когда только начал сходить снег и плоховато с пищей, они особенно наглеют. В поисках еды совершают воровские набеги даже в село Никольское. И страх перед свирепыми собаками не останавливает их.

Пробрался один песец в село. Хотел отыскать что-нибудь вкусненькое среди мусорной кучи и вдруг видит: старый валенок. А в валенке мышь притаилась, наверное, гнездо там собралась свить. Почуял песец мышь и, не задумываясь, шмыг в валенок.

Залезть-то он залез, а вот назад — ни в какую. Бился-бился песец, так и не смог вылезти из валенка. Накрепко застрял.

Утром проходили мимо рабочие зверозавода и ахнули. У обочины дороги старый валенок сам по себе дергается — будто в пляс хочет пуститься. Потом увидели: из валенка хвост облезлый торчит. И догадались, в чем дело.

«Живая заинтересованность каждого»

— Ох, и любят еще у нас гладенькие отчеты. Почитаешь — медку напьешься. — Киселев бросил на стол какие-то бумаги и резко поднялся. — От трусости это, что ли? — скорее сам себе задал он вопрос и заходил по кабинету. Потом вдруг остановился, сунул руки в карманы брюк и наконец пояснил. — Отчет одной организации о ходе соцсоревнования. — Киселев недовольно кивнул в сторону бумаг. — Недавно у нас было заседание районного совета содействия соцсоревнованию. Указали на недостатки некоторым организациям и хозяйственным руководителям. А здесь, на бумаге, тишь да гладь...

Я слушал Федора Гавриловича и думал, что Киселев, пожалуй, сгущает краски. Хотя для него, человека поиска, не удовлетворенного собой, это закономерно.

Мне уже удалось побывать в некоторых организациях Алеутского района. Большинство инициатив и начинаний передовых предприятий страны нашли поддержку в трудовых коллективах командорцев.

С энтузиазмом были поддержаны почины: москвичей — «Пятилетке качества — рабочую гарантию!», ленинградцев — «От высокого качества работы каждого — к высокой эффективности труда коллектива!» и «Ни одного отстающего рядом».

Партийные, комсомольские и профсоюзные организации Командор в последнее время стали уделять больше внимания социалистическому соревнованию, движению за коммунистическое отношение к труду. С учетом местных особенностей были пересмотрены старые и разработаны новые условия соревнования между предприятиями и организациями. Сейчас четко стали разграничивать показатели между различными группами коллективов, тем самым исключив путаницу при подведении итогов.

Как идет трудовое соперничество? Каких успехов добились коллективы предприятий и учреждений? Эти вопросы ежеквартально рассматриваются райкомом партии совместно с райисполкомом и райкомом комсомола.

О достигнутых успехах постоянно рассказывает жителям острова Беринга и газета «Алеутская звезда», и местная радиостанция. О них сообщается на вечерах чествования передовиков производства. Сложилась добрая традиция у командорцев проводить эти вечера каждый квартал.

Ни для кого не секрет, что эффективность соревнования — не только в его организации как такового, но и в четкости при подведении итогов, в гласности, продуманной сравнимости результатов и даже в чествовании победителей.

Поэтому в Алеутском районе так внимательно относятся и к этой важной стороне соревнования. Организациям-победителям вручаются переходящие красные знамена, а коллективу, занявшему первое место, — вымпел Юрия Гагарина. Передовики и ударники производства в торжественной обстановке награждаются почетными грамотами и ценными подарками.

Продуманная организаторская и политическая работа подняла социалистическое соревнование в Алеутском районе на качественно новую ступень. Ни один производственный коллектив на Командорах не остался в стороне от трудового соперничества.

Что является показателем повышения эффективности производства? В первую очередь рост производительности труда и повышение качества продукции.

На предприятиях Алеутского района внедрена система управления качеством продукции. Разработаны конкретные технические и организационные мероприятия, направленные на его повышение.

Я вспомнил посещение Командорского зверозавода и беседу с рабочими.

— С чего начали мы? — переспросил один из них и тут же ответил. — В первую очередь с улучшения организации труда и снабжения всем необходимым звероводов. А то ведь, как бывало раньше: начинается горячая пора, глядишь — того нет, другого, кидаешься к снабженцам, туда-сюда, время идет, работа стоит...

Несколько лет назад была пересмотрена система забоя зверя и контроля за качеством обработки пушнины. На каждую стадию технологического цикла разработали условия трудового соперничества за звание «Лучший зверовод», «Лучший забойщик», «Лучший мездрильщик». Не забыли и о материальном поощрении.

Сказалось ли это на качестве продукции?

— Да, — уверенно ответил директор зверозавода. — Повысилась средняя сдаточная цена одной норковой шкурки, а это значит, повысилось качество меха. .

Все специалисты завода защищают личные производственные планы. Для этого создана специальная комис-

сия во главе с директором. Такая форма вовлечения руководителей хозяйства в социалистическое соревнование не только помогает им вникнуть во все тонкости производства, но подтягивает, воспитывает специалистов.

Месячник качества стал традицией в коллективе командорских гидрометеорологов. Регулярно оформляется экран качества работы. В нем отражены оценки дежурства каждой смены.

В соревновании участвует более 500 командорцев, а в движении за коммунистическое отношение к труду — около 350 рабочих и служащих. Много это или мало? Посудите сами, если всего на острове Беринга живет около 1200 человек...

На ноябрьском 1978 года Пленуме ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев сказал: «Нам не нужны шум и трескотня по поводу соревнования. Нам нужна живая заинтересованность каждого трудящегося, каждого трудового коллектива в улучшении своей работы».

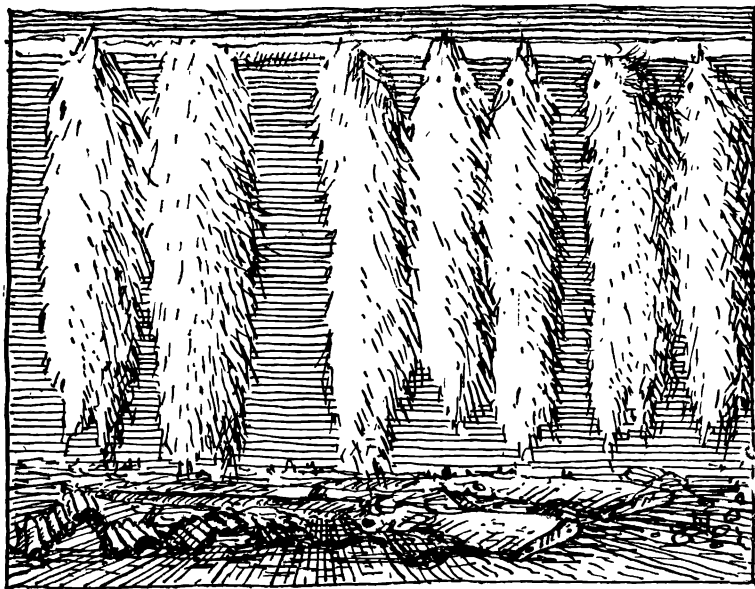
Хорошее предостережение для некоторых руководителей и организаторов! Ведь любое, самое лучшее начинание можно загубить, если подойти к нему формально, если оглушить его звоном победных рапортов, трескотней необоснованных заверений и обещаний. Соцсоревнованию чуждо манипулирование красивыми, взятыми с потолка цифрами. Мы за реальный учет возможностей коллективов.

Общественная защита индивидуальных, цеховых и общеколлективных социалистических обязательств на собраниях трудящихся — хороший удар по формализму. Она стала нормой во многих организациях Алеутского района. Созданы советы содействия социалистическому соревнованию, которые рассматривают индивидуальные и коллективные обязательства, а также контролируют их выполнение.

— Ну а все-таки, сколько человек в районе уже выполнили индивидуальные обязательства? — спросил я у Киселева.

Он отвечает, не заглядывая в свои записи:

— Более 300 рабочих и служащих. Это все так, — продолжает, расхаживая по кабинету, Киселев, — но не будем благодушествовать, пока... пока не добьемся главного в соцсоревновании — «живой заинтересованности каждого», — Федор Гаврилович улыбнулся. — Не люблю гладенькие отчеты...

III.
И ПРОБИЛ ЧАС БУЙНОГО ПРОМЫСЛА

«М. В. Д., Управление Командорскими островами, 25 января 1882 года, № 19. Его Высокопревосходительству Господину Генерал-Губернатору Восточной Сибири.

Рапорт

Имею честь донести Вашему Высокопревосходительству о новых нападениях иностранных шкун на котовыя лежбища на островах Беринга и Медном, причем на последнем истреблено шкунами большое по величине лежбище в Секачинской бухте и только оружием отражено нападение на главное лежбище котиков... Шкуны переменили тактику: стали являться осенью, будучи уверены не встретить после половины сентября парохода «Александр II», тем более военного крейсера, который, как они хорошо знали, уже ушел.

Между шкунами существует какое-то соглашение: менее двух шкун не подходило к острову, чаще же более (до пяти). Если принять во внимание, что на шкуне бывает от 20—30 человек команды, которая, как это было осенью 1881 года, всегда съезжала вооруженную скорострельными винтовками (системы Шарпса)... И если правительство не придет на помощь — присылкою ли военного судна на время от Июля по конец Октября или учреждением военных постов — лежбищам на о. Медный будет нанесен серьезный ущерб, от которого трудно будет оправиться. Достаточно припомнить уже изложенный ранее мною факт, что после истребления северного лежбища в сороковых годах на острове Беринг, оно едва теперь начинает поправляться, хотя условия местоположения лежбища таковы, что оно должно быть по числу зверя не менее лежбищ о. Медный...

...Часовых постоянных на западной стороне возможно иметь только в некоторых местах, что и было летом 1881 г., когда устроены были караулы, из казаков камчатской команды и жителей... При караулах имелся вельбот и байдарки, но выезжать к шкунам было более чем рискованным, так как наблюдения показали, что шкуны грузили шлюпки людьми и оружием и не задумались бы, как был уже пример, употребить его в дело; оставалось одно, — где допускали условия местности, гнать с берега зверя в воду, что и делалось в местностях, где нельзя было спуститься — не допускать шлюпки к берегу стрельбою из ружей. На объявления шкуны не обращали внимания. Но хуже всего то, что шкуны выбирали ночное время. Часовые на горах, окутанных почти ежедневно осенью туманом, не могли видеть шкун, которые приходили к вечеру и становились где-нибудь за мысом. Таким образом, ночью удалось шкунам истребить лежбище в Секачинской; те же, вероятно, шкуны в числе четырех намеревались сделать нападение на главное лежбище, но были отражены силою оружия. Из всего изложенного, Ваше Превосходительство, изволите усмотреть, что шкуны, прикрываясь флагом по большей части Соединенных Штатов, образовали организованный союз для разбоя и что для них не должно быть оказываемо Правительственными судами никакого снисхождения. Как подтверждением может служить еще и тот факт, что шкуны являлись с закрашенными названиями судна... Уверенность в ненаказанности их действий со стороны русского

Правительства и надежда на страх жителей придают смелость их нападениям. Позволяю себе, в интересах дела, сделать небольшое отступление — представить краткую характеристику сих судов и их команды.

На берегах Атлантического океана существуют шкуны, отчасти паровыя, занимающиеся контрабандой и ловлей устриц и рыбы, собственности Штатов; на берегах Восточного океана, многия шкуны занимаются торговлею с индейцами, причем, не имея возможности конкурировать с компаниями, имеющими фактории, они возят для продажи крепкие напитки и оружие — предметы, которыми воспрещено торговать — другая часть шкун идет на промысел морских животных (бобров, котов) к Алеутским островам и островам Прибылова, отправляясь еще в феврале месяце. Охота на этих животных дозволена только туземцам. Торговлею шкуны эти занимаются редко. Путь их с весны: Курильские острова, Камчатка и Командорские острова с последнего времени. До чего доходит их наглость, видно из того факта, что шкуна около о. Павла не допустила шлюпки с Правительственными чиновниками, угрожая стрелять в них...

...Усиление надзора за шкунами со стороны Правительства Соединенных Штатов, упадок бобрового промысла на Курильских островах, высокие цены на шкуры морских котов — все это заставило шкуны перенести свою деятельность на Командорские острова и выбрать местом стоянки Японию, как самое ближайшее место к промыслу морских котов. Опыт предшествующих лет показал им, что около берегов русских владений они могут беспрепятственно заниматься промыслом морских животных и торговлею, не опасаясь встречи Правительственных судов, посылка которых производится чрез значительные промежутки времени...

...Положение северного лежбища таково, что пристать шлюпками можно только в некоторых пунктах, путь к которым может быть легко прегражден хорошо вооруженными людьми, скрытыми притом же за естественными укреплениями — камнями. Ночью всегда почти можно иметь караул около мест, где могут пристать шлюпки, за исключением самых дальних камней, занятых матками.

Положение полуденного лежбища, отстоящего на 25 геогр. миль от селения, сообщение с которым затруднительно, — при том доступ с моря к которому удобен на

значительном протяжении — небезопасно. Шкуны не воспользовались им до сих пор только потому, что положение его им неизвестно, так как до 1881 г. на нем промысла не было и пароход, матросы с которого замечены были на шкунах, не подходил к нему. Заходила осенью 1880 г. шкуна, но ничего серьезного не сделала за поздним временем. С текущего года устроено вблизи полуденного лежбища постоянное поселение (с Мая по Ноябрь обязательно) из десяти опытных и смысленных промышленников, при которых будет находиться и казак. К самому месту, где лежит зверь, с берега может быть прегражден путь как шлюпкам, так и высадившимся уже на берег людям из-за естественных прикритий.

Затем честь имею изложить Вашему Высокопревосходительству о приходивших шкунах в 1881 г. и о их деяниях...

Командированный к Управлению Командорскими островами Гребницкий»¹.

Пушная лихорадка

Прошел год с тех пор, как на Камчатку вернулся пакетбот «Святой Петр». Слух о пушных богатствах Командорских островов уже не давал покоя русским промышленникам. Не только стремление к наживе, но и желание освоить и изучить неведомые земли, толкали их в рискованные путешествия.

Первым отправился на остров Беринга за дорогой пушиной сержант Нижне-Камчатской команды Емельян Басов. Летом 1743 года с командой в 20 человек на небольшом судне он вышел в море. Но через пять дней судно было выброшено на остров Беринга.

Басов со своей командой провел зиму на острове, а весной вернулся на Камчатку. Неудача не остановила его. Уже через год он снова направляется к Командорам. Басов и его товарищи первыми из европейцев высадились на остров Медный.

На этот раз поход оказался удачным. 1670 шкурок морских бобров (так раньше называли каланов), 1990

¹ Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. III. Камчатка и Командорские острова, Иркутск, 1884, с. 108—109.

котиков и 2240 шкурок голубых песцов добыли Басов со своей командой.

Весть об удачной экспедиции Емельяна Басова подстегнула русских промышленников. Вслед за ним к Командорским островам потянулись и другие добытчики пушнины.

В первой половине XVIII века морские котики не имели большой ценности.

Мех котиков считался в то время гораздо хуже меха других пушных животных. Поэтому посещавшие острова промышленники вплоть до 1780 года вывозили ежегодно в среднем не более 2 тысяч котиковых шкур.

Спрос на котиковый мех появился после того, как выдающемуся русскому мореплавателю, предприимчивому купцу Григорию Шелехову удалось организовать массовый вывоз шкурок в Китай.

С 1780 года на Командорских островах стали забивать ежегодно до 30 тысяч морских котиков. Не щадили никого, даже беременных самок. Это, конечно, отразилось на численности котиков. Их поголовье на Командорских островах начало сокращаться.

В 1799 году двадцать купцов соединили свой капитал, положив начало крупнейшему объединению того времени — Российско-Американской компании. Она существовала почти 70 лет. Постоянными ее акционерами были русские цари.

Миллионы варварски уничтоженных животных и миллионы приобретенных рублей — таков итог деятельности Российско-Американской компании. Сотни тысяч котиковых шкур гнивали на складах. Их сжигали и топили в море для поддержания высоких цен.

Только в 1803 году было уничтожено 700 тысяч котиковых шкур. По свидетельству современников, в Уналашкинском порту в 1809—1812 годах высушенными шкурами котиков топили бани и печи.

Так начался час буйного промысла пушного сокровища Командорских островов.

Несостоявшийся прогноз

Разделку туш морских котиков и обработку шкур выгодней производить неподалеку от мест забоев. Необходимо было создать постоянную базу на Командорских

островах. Для этого прежде всего нужны умелые забойщики зверя, люди, знающие толк в пушнине, которые в состоянии жить в суровых климатических условиях. Кто же лучше алеутов отвечал этим требованиям?

И вот в 1828 году группу алеутов с острова Атхи завозят на остров Беринга, а с острова Атту — на Медный.

С конца 40-х годов на Командорах стали селиться русские, а также цыгане, эскимосы и другие народности.

Соперничая между собой, торговцы переманивали друг у друга алеутов-промысловиков. Платили им, как правило, не деньгами, а в основном оружием, водкой и табаком.

Промысел увеличивался из года в год. Пушная лихорадка заражала все новых и новых людей. Промысловики не щадили ни самок, ни малышей морского котика. К началу 70-х годов прошлого века на Командорских островах ежегодно добывалось 60—70 тысяч зверей.

После продажи в 1867 году царским правительством Аляски и Алеутских островов Соединенным Штатам Америки прекратилась деятельность Российско-Американской компании. На лежбища хлынули еще большие толпы авантюристов в надежде быстро разбогатеть.

В 1871 году промысел котиков на Командорских островах был передан в аренду на 20 лет компании «Гутчинсон, Кооль и К^о».

Администрация и хозяева менялись, а порядки оставались прежними. Болезни, завезенные на острова, нищета, эксплуатация и, конечно же, водка и спирт, которыми щедро расплачивались промышленники, привели алеутов к постепенному вымиранию.

Профессор Евгений Суворов много лет работал на Командорских островах. Наблюдая жизнь алеутов, он с горечью отмечал, что вымирание алеутов началось в 80-х годах XIX века. Рождаемость составляла 4,4 процента, а смертность — 4,6. И если вымирание пойдет теми же темпами и дальше, то менее чем через 50 лет на островах останется только одна уездная администрация, но населения уезда уже не будет.

Печальные прогнозы профессора были построены строго на фактах и научной теории. Делая свои выводы о вымирании алеутов, он учел все, кроме одного... Великой Октябрьской социалистической революции.

Это ласковое слово «цунами»...

— Океан!.. Кеан-ан-ан!.. Ветер!.. Тер-тер!.. Птицы!.. Тицы-цы!.. Почему вы умолкли?! Олкли-кли-кли!.. Слышите?!.. Ите-ите!..

Эхо смолкло, и человек растерянно обвел взглядом вершины скал. Ему показалось, что угрюмые великаны затаились в ожидании чего-то. Но чего?

— Как странно, очень странно,— пробормотал человек и обернулся к океану.— Я никогда не видел здесь такого сильного отлива. А тишина? Здесь никогда не было такой тишины. Может, я оглох?! Я не слышу голоса чаек. Чаек не слышу! Ведь их здесь сотни, нет, тысячи. Но куда они подевались? Только что здесь были тысячи чаек. Где они?

По каменистому склону человек сбегает вниз и растерянно останавливается у береговой кромки.

— Что с океаном? Он уходит все дальше от берега. Он сжимается... Как побелело солнце! Серебристые лучи вонзаются в глаза, не дают рассмотреть, что делается на горизонте. А ведь там что-то происходит... Кажется, какая-то черная линия... Да, так и есть, но уже не линия, а широкая черная лента охватила горизонт.

На мгновение человек цепенеет.

— Неужели... Неужели это?!..

Крик застревает в горле. Человек, задыхаясь, бежит к скале.

— Сопки! Скалы! Спасите, это идет оно! Страшное, беспощадное, неотвратимое... Цунами!!!

Черная водяная стена глотает последний крик человека. Скалы не смогли ее остановить. Клыкастые вершины сломаны, как обыкновенные ледяные сосульки.

В переводе с японского это ласковое слово означает большую волну в гавани. «Злые духи карают людей за их грехи» — так говорили о цунами в старину.

Сведения об этом чудовище сохранились с 479 года до нашей эры. С тех пор человечеством отмечено 355 цунами. Из них: 308—в Тихом океане, 26—в Атлантическом и 21—в Средиземном море.

Откуда берется эта разрушительная сила? Цунами — результат землетрясения и извержения подводных вулканов. Они вызывают перемещения огромных пластов морского дна. Те, в свою очередь, воздействуют на водную массу. Так рождаются гигантские волны.

Вблизи очагов землетрясения они могут подняться на десятки метров. Стена воды несется по океану почти со скоростью реактивного самолета — 700 километров в час.

Когда цунами приближается к более мелким участкам океана, нижние слои воды тормозятся сильнее верхних, и тогда образуется ревуший серповидный гребень.

Первый признак цунами — отступление океана от берега. Смолкает привычный шум прибоя. На сотни метров от берега обнажается дно. А через несколько минут появляется почти вертикальная стена пенящейся воды.

Одной волной цунами не ограничивается. Чаше их бывает от 3 до 10. Самая мощная обычно третья или четвертая.

Человек пока не может активно бороться с этим грозным явлением. Не в состоянии построить береговые защитные сооружения, способные выдержать удары миллионов тонн воды.

Но человек уже в состоянии пресечь зарождение волн. Успешно проводятся эксперименты по предотвращению сильных подводных землетрясений. Искусственные подземные взрывы создают слабые землетрясения и снимают избыточные напряжения земной коры в отдельных точках.

Осенью 1737 года цунами ударило о Командорские острова. Его высота была примерно 60 метров. Об этом спустя много лет «поведали» ученым останки китов и других обитателей океана. Они были заброшены на много километров в глубину острова Беринга и на высокие сопки.

В следующий раз цунами ворвалось на остров 16 сентября 1849 года. Оно было не таким сильным, как в 1737 году. Но все же многие дома в селе Никольском подверглись разрушениям, а жители спасались на сопках.

Приход цунами отмечался на острове Беринга и в 1923, и в 1952 годах.

Неподалеку от берегов Чили 23 мая 1960 года произошло мощное землетрясение. Примерно через 22 часа цунами подошло к Командорским островам. Сначала океан отступил на полсотни метров от берега, а через несколько минут появилась водяная стена. Какой же силой обладала эта волна, если крепкий бревенчатый мост

через речку Гаваньскую забросило почти на 600 метров в глубь острова!

Чем же человек может предохранить себя от страшного явления природы?

— Четкой службой прогнозирования и экстренным предупреждением об опасности,— не задумываясь, ответил секретарь Алеутского райисполкома Александр Николаевич Тепляков.

Для этого на Камчатке организована и действует служба оповещения. Центральная цунами-станция в Петропавловске-Камчатском является источником сигналов для пунктов приема в районах, подверженных нападениям смертоносных волн. В Никольском тоже установлена аппаратура, управляемая по радио и принимающая сигналы тревоги.

Как происходит оповещение о надвигающейся опасности?

Центральная цунами-станция постоянно получает информацию с метео- и сейсмостанций, анализирует сейсмообстановку и при необходимости включает оповещение.

— Если приборы определяют, что на остров Беринга ожидается набег огромной волны, по радио с Камчатки на Никольскую станцию цунами будет передан соответствующий сигнал,— пояснил Тепляков.— Дальше он по кабелю попадет на декодирующую аппаратуру, а она тут же включит уличные громкоговорители и даст сообщение по квартирным радиоточкам. И тогда немедленно поднимутся по тревоге члены штаба «Цунами», руководители предприятий и организаций, общественность. По специальному плану начнется эвакуация людей и материальных ценностей. Сигнал опасности намного опережает цунами, и к его приходу все население будет в безопасном месте. Врасплох нас трудно застать.

Олени

Их завезли на остров Беринга еще в 1882 году. Пятнадцать домашних оленей с Камчатки дали отличное потомство. Условия на острове оказались для них благоприятные. За каких-нибудь двадцать с небольшим лет стадо оленей увеличилось до тысячи голов.

Зимние командорские ветры срывали снег, открывали пастбища. Так что у оленей было много ягеля. Они не требовали ухода. Их не надо было пасти. Куда убежишь с острова? Животные одичали.

Настало время вмешаться человеку в жизнь стада. Надо было регулировать всевозрастающую численность оленей, начать регулярный отстрел. Но хозяйственники и администрация не торопились ограничивать поголовье.

Животные полностью уничтожили корм — ягель — и стали питаться в основном тундровой травкой. Наверное, этот корм не обеспечил оленям всего необходимого для зимовки. Животные слабели, постепенно мельчали, и наконец началась массовая гибель. В поисках корма они поднимались на высокие скалы, срывались и погибали в пропастях. Есть и еще одна причина сокращения беринговского стада — островная изоляция. На протяжении многих лет у беринговских оленей складывались близкородственные отношения. И это приводило к вымиранию.

К 1917 году на острове Беринга не осталось ни одного оленя. В 1927 году оленей завезли вторично. На этот раз с острова Карагинского. Через двадцать семь лет поголовье достигло небывалой для острова Беринга численности — 3,5 тысячи.

И снова человек повторил те же ошибки. И снова стали гибнуть и вымирать олени. В конце 70-х годов на острове Беринга их осталось всего несколько десятков.

— Необходимо каждые пять-семь лет завозить оленей с Камчатки, — пояснил секретарь райисполкома Александр Тепляков, заядлый рыбак и охотник. — Ведь без «обновления крови» наше командорское стадо исчезнет. Но «обновление крови», которое скажется на жизнестойкости оленей и увеличении поголовья, не самоцель. Надо грамотно эксплуатировать стадо. Поддерживать его численность на оптимальном уровне.

«Пожалуй, наглядный пример с командорскими оленями, — подумал я, — когда добыча, конечно в определенных размерах, идет на пользу разведения животных».

Тепляков открыл ящик стола и принялся в нем что-то искать. Наконец он вытащил какую-то бумагу.

— Вот интересные цифры. При достижении командорским стадом численности 2 тысяч голов можно ежегодно забивать 10—20 процентов, то есть до 400 оленей. А ведь это почти 20 тонн вкусного, питательного мяса.

Тепляков отложил бумагу в сторону.

— Представляете, насколько облегчится задача снабжения командорцев мясом! Стоит подумать? А?..

Древняя находка

Эту фотографию я увидел в доме у знакомого старика-алеута. На снимке скульптура — голова мужчины средних лет, выполненная скорее всего в камне. Лицо удлиненной формы, большие глаза, широкие брови, хорошо развитые скулы, орлиный нос, волевой подбородок.

— Что это, Иваныч? — поинтересовался я у хозяина дома.

Старик взглянул на фотографию и оживился.

— О, это обломок фигурки из «мыльного камня». Ее нашли на окраине нашего села.

— Сколько лет находке?

Иваныч махнул рукой.

— А кто его знает? Спроси в нашем музее.

Каменное изображение заинтересовало меня, и я вскоре выяснил, что действительно во время земляных работ на окраине села Никольского была найдена фигурка из мягкой породы, напоминающей гипс. Правда, сохранилась одна голова величиной с голубиное яйцо.

Это древнее изображение алеута относится к эпохе неолита, когда уже стали известны шлифовка и полировка камня.

Четкий профиль с туго затянутым капюшоном камлейки на лбу и подбородке позволяет судить, что изображен охотник на морского зверя. Камлейка изготовлялась из кишок морского льва и не пропускала влагу. Конечно, она была незаменима для древнего алеута во время охоты.

Уникальная находка в Никольском — одно из первых скульптурных изображений алеута, дошедшее до нас. Высокое искусство резьбы по камню было известно этому народу еще в глубокой древности.

Но какой все-таки возраст находки? Точно установить не удалось. Предполагают, что она изготовлена не ранее I, но и не позже XIV века.

А как же быть с утверждением, что до прихода экспедиции Беринга на Командоры не ступала нога человека?..

Стеллер

Каждому жителю Никольского знакомо имя Георга Стеллера, ученого-естествоиспытателя, самоотверженного путешественника, участника Второй Камчатской экспедиции, чья судьба неразрывна с историей открытия Командорских островов.

Георг Вильгельм Стеллер родился в Германии в 1709 году. Пытливый и любознательный, он был лучшим учеником в школе. С детских лет настоящей страстью Стеллера стала ботаника.

После окончания школы Стеллер становится студентом университета. Профессора пророчили ему большое будущее. Но за свой необычайно неуживчивый и вспыльчивый характер он вскоре был исключен из университета. В жизни Стеллера наступает горестная полоса. Он ссорится с друзьями и родственниками. Он жаждет заниматься наукой, но на это нет средств.

В XVIII веке многим энергичным, предприимчивым людям Западной Европы, которые не находили применения своим знаниям и умениям на родине, Россия милостиво предоставляла такие возможности. Молодой ученый тоже решает попытаться счастья в далекой стране.

В середине августа 1734 года Стеллер прибыл в Петербург. По рекомендации немецкого ученого Зигфрида Байера он устраивается домашним врачом к архиерею Феофану.

Архиерей Новгородский и Ладужский Феофан Прокопович был одним из ближайших сподвижников Петра и по праву считался образованнейшим человеком своего времени. Он был равнодушен к религии и занимался церковными делами лишь по долгу службы, зато живо интересовался естественными науками, физикой, географией, беседовал со Стеллером о новых открытиях и изобретениях. Нередко архиерей и молодой ученый обсуждали также вопрос, волновавший многих в начале XVIII века: соединятся ли Азия с Америкой?

Благодаря влиянию Феофана Стеллера приняли на службу в Академию наук со званием адъюнкта натуральной истории и отправили на Камчатку под начальство капитан-командора Беринга.

20 августа 1740 года, спустя почти три года после выезда из Петербурга в дальнюю экспедицию, Георг Стеллер прибыл в Охотск. Явился к Берингу на доклад,

и после первой же встречи оба путешественника невзлюбили друг друга. Эта взаимная неприязнь сохранилась надолго. Но несмотря на это, после смерти Витуса Беринга Стеллер писал о нем, что это был справедливый человек, который пользовался всеобщей любовью как среди офицеров, так и среди команды.

Во время Второй Камчатской экспедиции Георг Стеллер находился на корабле «Святой Петр». Когда путешественники наконец достигли долгожданного Американского континента, между Витусом Берингом и Стеллером произошла очередная стычка. Командор не хотел отпускать ученого на берег, так как считал, что задача экспедиции выполнена и надо возвращаться на Камчатку. И все же Стеллер настоял на своем.

Результатом кратковременного пребывания ученого на суше была написанная впоследствии книга «Описание растений, собранных за 6 часов в Америке». Именно за шесть часов неистовый ученый сумел собрать и описать 160 видов американской флоры!

Стеллер сумел продолжить свои зоологические и ботанические исследования даже после того, как «Святой Петр» потерпел крушение и многие из экипажа умерли от голода и цинги. Кстати, цингу можно было предотвратить, если бы Витус Беринг послушал совета ученого и разрешил на острове Шумагина запастись лекарственными растениями.

В первый день пребывания на острове, получившем в дальнейшем имя Беринга, Стеллер понял, что земля эта не Камчатка и что она необитаема: животные и птицы совершенно не боялись людей. Но ученый не унывал и не терял времени. Он составил научное описание местной флоры и фауны, которые вошли в книгу «Описание острова Беринга». В одиночку Стеллер обошел весь остров, поднимаясь на самые высокие сопки. Впоследствии он писал об этом: «Я был один, под открытым небом, должен был сидеть на земле, мне мешали холод, дождь, снег, и часто беспокоили меня звери; у меня не было нужных инструментов и притом я не надеялся, чтобы когда-нибудь моя работа сделалась известной и принесла кому-нибудь пользу».

Георг Стеллер легко переносил выпадающие на долю первопроходца невзгоды. Он изучал жизнь морских котиков, каланов, сивучей. Ему единственному из всех ученых удалось описать уникальное морское млекопитаю-

шее, которое водилось только у берегов Командор — морскую корову (ее так и называют — Стеллерова корова).

Стеллер собрал 224 вида командорских растений. Сохранились его описания камней.

В 1742 году, после возвращения в Петропавловск, Стеллер продолжает исследования Камчатки. Своими силами он построил себе избу и прожил в ней два года. Занимался охотой, собирал растения, вычерчивал карты, изучал обычаи и языки камчадалов. Как и на Командорах, ученый легко переносил все невзгоды.

Талантливый естествоиспытатель, прирожденный путешественник, Стеллер обошел почти весь Камчатский полуостров. По примеру ительменов и коряков, он мог кормиться сырой рыбой, кореньями, травами.

16 ящиков ценных научных материалов, собранных в экспедициях, было отправлено им в Петербург.

Стеллер с пониманием и сочувствием относился к нуждам коренных жителей полуострова. На свои скудные средства открыл в Большерецке школу и сам учил детей.

Однажды Стеллер вступился за 12 ительменов, обвиняемых в «бунте». Враги, а их было у него немало, воспользовались этим. На Стеллера был написан в сенат донос. Его обвинили в бунте и в освобождении 12 государственных преступников.

К лету 1744 года у Георга Стеллера накопилось много материалов, которые необходимо было доставить в Петербург, да и ему самому пора уже было возвращаться в академию.

Осенью 1745 года он прибыл в Иркутск. Прибыл в тот день, когда губернатором было получено распоряжение сената об аресте Стеллера. Ученого арестовали. Но вскоре Стеллер был оправдан, потому что стало известно: участники Беринговой экспедиции обласканы в Петербурге императрицей.

Весной 1746 года Стеллер добрался до Соликамска. Но здесь он стал жертвой неповоротливой почты того времени. В Соликамск пришло постановление сената, в котором говорилось, что, если в городе появится Стеллер, его надо немедленно схватить и отправить под конвоем в Иркутск. Соликамские правители еще не знали, что ученый был оправдан в Иркутске.

Лишь спустя несколько месяцев пришло известие: Стеллер невиновен! Но было уже поздно. Его некогда могучий организм не выдержал пыток в тюрьме и побоев конвоиров. Не доезжая Тюмени, Стеллер скончался.

Имя ученого увековечено на Командорах. Самая высокая вершина на острове Беринга названа горой Стеллера. Есть на острове уникальный памятник природы — каменная арка, носящая его имя. Имя Стеллера увековечено и в названиях нескольких растений и животных.

Владыки студеных морей

Откуда пришли они? Где их прародина?

Эти вопросы еще до сих пор не решены учеными. «Владыки студеных морей» — так называли алеутов русские путешественники и промысловый люд. На своих юрких лодчонках, не боясь океанских штормов, они выходили охотиться на китов, на морских львов — сивучей.

Происхождение, быт, культура алеутов интересовали участников второй Камчатской экспедиции. Вслед за ними и другие русские путешественники изучали эти вопросы.

Большую научную ценность представляют этнографические заметки об алеутах ученого и путешественника Г. А. Сарычева. Эти заметки были сделаны им во время правительственной экспедиции 1785—1793 годов, организованной для обследования Берингова пролива и северо-западных берегов Северной Америки.

Немаловажный вклад в изучение истории алеутского народа внесли и участники кругосветной экспедиции на кораблях «Надежда» и «Нева» в 1803—1806 годах под командованием капитанов И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского.

Глубокое и разноплановое исследование культуры и быта алеутов связано с именем русского миссионера И. Е. Вениаминова (впоследствии митрополита Иннокентия) — самобытного ученого, этнографа, лингвиста и биолога. Главный его труд — «Записки об островах Уналашкинского отдела». Особый интерес вызывает календарь алеутов, который приводит в своем труде И. Вениаминов. В этом календаре отражен традиционный хозяйственно-бытовой уклад алеутов.

В наше время интерес к истории, быту и культуре алеутов возрастает. Это объясняется, во-первых, тем, что географическое положение Алеутской островной дуги, являющейся как бы мостом между Старым Светом и Новым, включает «алеутскую проблему» в общий комплекс проблем, касающихся межконтинентальных связей Евразии и Америки. Во-вторых, уже в глубокой древности алеуты освоили крайне суровую в климатическом отношении область и создали здесь высокую, своеобразную культуру. Решение «алеутской проблемы» также способствовало бы решению и более общей, такой актуальной сейчас проблемы взаимодействия человека и среды его обитания.

Так, советский ученый, специалист по истории алеутской народности Р. Г. Ляпунова в ряде своих работ отмечала, что тип хозяйства алеутов, который сложился к XVIII веку, был тесно связан с природными условиями островов и традициями приморского уклада жизни.

И хотя область, занимаемая алеутами, на вид была суровой и негостеприимной, в действительности она была благоприятной для ведения приморского охотничье-рыболовно-собирательного хозяйства. Круглый год не замерзающее море и морской берег являлись для алеутов источником всех необходимых средств существования.

В то время когда русские путешественники встретились с алеутами, те находились на стадии перехода от доклассового к классовому обществу.

Есть основания предполагать, что процесс формирования алеутской народности происходил уже на Алеутских островах. Существует ряд гипотез о путях заселения предками алеутов Алеутских островов.

Одна из них заключается в том, что переселение происходило из Азии по южному краю большого участка суши, соединявшего ранее Евразию с Америкой и впоследствии затопленного Беринговым морем. Подтверждением этой гипотезы служит одинаковый возраст (около 9 тысяч лет) берингоморской платформы и самой древней на Алеутских островах стоянки Анангула (алеутское название, означающее «кит, плывущий на север»).

Первая советско-американская археологическая экспедиция, производившая раскопки летом 1974 года на древних алеутских стоянках Анангула и Чалука, положила начало новому этапу в координации усилий по разработке «алеутской проблемы». Были получены убедитель-

тельные доказательства преемственности культур Анангулы и Чалуки, что, в свою очередь, подтверждает гипотезу о длительном формировании алеутской народности на территории Алеутских островов.

Этой же экспедицией были доставлены важные данные, указывающие на происхождение предков алеутов. В частности, раскопки на самой древней стоянке Анангулы — стоянке культуры Пластин — показали, что население этой культуры пришло в район залива Никольский примерно 8700 лет назад, что культура Пластин была генетически связана с некоторыми азиатскими культурами, возраст которых от 17 до 10 тысяч лет. Некоторые ученые высказывают предположение, что прародина алеутов находилась в Восточной Монголии.

Как показали раскопки, культура Пластин тяготеет к так называемой тихоокеанской этнокультурной области, которая включает древние культуры Нижнего Амура, Приморья, Хоккайдо, Сахалина, Камчатки.

На смену культуре Пластин пришла так называемая культура Деревенского поселения, результаты раскопок на стоянках которой указали, что древние алеуты и жители Охотского моря могли общаться между собой. Предполагают, что местом этих древних контактов были Командоры.

Нерешенным до нашего времени остается вопрос, обитали ли люди на Командорских островах до прихода экспедиции Витуса Беринга. Не дали результатов и археологические исследования, проводимые на Командорах в 30-х и 60-х годах. Существует ряд предположений о времени появления здесь людей.

Безмолвно хранят тайну несколько найденных на Командорах каменных орудий, которые находятся в собрании Сибирского отделения Академии наук в Новосибирске и в коллекции Алеутского народного музея на острове Беринга в селе Никольском.

При царизме среди алеутов, завезенных на Командорские острова, царил постоянный голод, были отмечены высокая смертность, венерические заболевания и сплошная безграмотность.

Сейчас все это ушло в далекое прошлое. После Великой Октябрьской революции за короткий исторический срок в корне изменился духовный облик и психология некогда жестоко эксплуатируемой и обреченной на вымирание маленькой народности — алеутов.

В 1923 году на Командорские острова пришла Советская власть. Партийная ячейка села Никольского отправила в Петропавловск-Камчатский телеграмму: «Мы, жители Командорских островов, всецело отдаемся в распоряжение новой власти, принимая ее, поднимаем рабочий красный флаг».

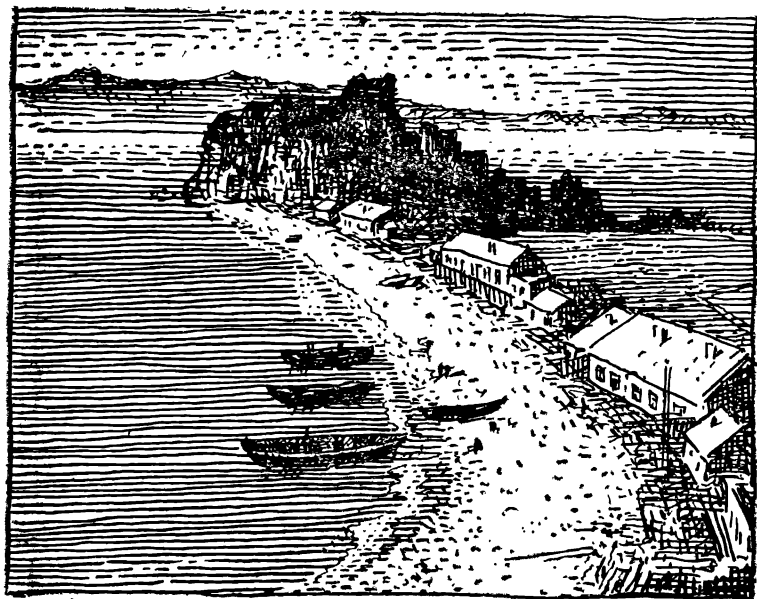
В наше время алеут — это образованный, культурный, с высоким политическим сознанием советский человек. Большинство семей из числа местной коренной народности живут в благоустроенных квартирах, со всеми коммунальными удобствами. По образу жизни, одежде, проведению свободного времени алеута не отличишь от представителей других народностей.

Очень гордятся командорцы своим фольклорным танцевальным ансамблем «Командорские шутники», который хорошо знают и любят не только на острове Беринга и Камчатке, но и во многих городах и селах Советского Союза. В 1977 году мастерству самодеятельных артистов рукоплескал Кремлевский Дворец съездов на заключительном концерте Всесоюзного смотра художественной самодеятельности трудящихся.

Коммунистическая партия Советского Союза в своей деятельности последовательно осуществляет ленинскую национальную политику равенства всех наций и народностей. Некогда лишенные элементарных человеческих прав, алеуты при Советской власти приобщены к государственности, к управлению экономикой и культурой. Сейчас в состав районного Совета депутатов трудящихся постоянно избирается около 60 процентов представителей коренной народности от основного состава депутатов.

Проявляя заботу о развитии национальных окраин, Советское государство предоставило большие возможности народам Севера, в том числе и алеутам, в воспитании и подготовке своих национальных кадров.

Ныне в Алеутском районе из числа национальных кадров работают медики и учителя, воспитатели и советские работники, специалисты морского транспорта и рыболовства. Все это — плоды нашей социалистической демократии, завоеванной Великим Октябрем и закрепленной в Конституции СССР.

IV.

В НАСЛЕДСТВО ПОТОМКАМ

Радость прошедшего дня

Приходилось ли вам просыпаться от птичьего крика в каком-нибудь шалаше, палатке, или просто под открытым небом? Готовить пищу на костре в горах, в тундре, в тайге? Приходилось пить чай, пропахший дымком? А вытаскивать из догоревшего костра печеную картошку? Если нет — вы себя обокрали.

Заспанное солнце едва оторвалось от моря. Сизые дымки поднялись над сопками и тундрой. Натягиваю огромные болотные сапоги, хватаю котелок и сбегаю вниз к реке.

Некоторое время стою замороженный, словно впервые увидел сопки в снеговых пятнах, студеное небо и безмянную речку, впадающую в пяти шагах от меня в Берингово море.

Швыряю котелок на берег, зачерпываю ладонями воду и яростно тру лицо. Холод реки прожигает меня насквозь. Сна как не бывало. Чувствую удары сердца. И так

радостно становится на душе, что хочется крикнуть из всех сил. Это можно себе позволить: ведь я один. Вокруг ни души. До села больше сорока километров.

Разжигаю костер. Не хочется в такое утро сидеть в старой юрташке и возиться с печкой. Пока греется вода в котелке, доедаю остатки пойманного вчера гольца. Потом выпиваю кружку крепкого, почти черного цвета, чая и закуриваю сигарету. Завтрак окончен.

Сегодня мне повезет — я смогу дописать то, с чем не смог справиться вчера. Достаяю из рюкзака тетрадь и начинаю работать.

И пусть море швыряет от злости камешки, пусть удивленно таращит глаза осторожный калан, что притаился за камнями и наблюдает за мной, и эта безымянная речка, и черные бакланы, и тундра — все вы уже у меня в плену. Все вы попадете на страницы моей толстой тетради в синюю клеточку.

Солнце поднялось высоко, и в глазах начинает рябить. Прячу тетрадь. На сегодня хватит. Отправляюсь бродить по берегу.

Часы отлива. Необычно молчаливо Берингово море. На береговой кромке валяются мертвые рыбки величиной с ладонь. Я нагнулся и поднял одну. Это была морская лягушка-прилипала, или, как их называют на Командорах, «мяконькая». Похожа эта рыбка на бычка, только еще округлей сверху. На светлом брюшке находится у нее большая круглая присоска. Нерестятся «мяконькие» неподалеку от берега. Рыбешка эта настолько ленивая, что во время отлива не уходит с водой, а забивается под камни на мелководье. Из-за этого «мяконькие» оказываются на суше и погибают, не дождавшись прилива. Их с удовольствием поедают каланы, песцы, сивучи, морские котики.

За каких-нибудь пятнадцать минут я наловил рукой целый котелок «мяконьких». Они не бились в отчаянии и не пытались выскочить из котелка, как это делают другие рыбы. Морские лягушки-прилипалы покорно ждали своей участи...

Уха получилась отличная. А может, мне показалось? Разве случалось, чтобы еда, приготовленная своими руками на костре, вдали от человеческого жилья, оказалась невкусной?

Беззвездный тихий вечер окутывает море. Едва слышен одинокий крик чайки, затерявшийся где-то в тумане.

Гаснет костер и затягивается пеплом. Вместе с ним гаснет последняя полоска вечерней зари. Долго слежу, как меняется в сумерках море. Оно хмурится, становится холодным и чужим.

Медленно, окуная в черную воду огоньки, вдали от берега проходит какое-то судно. Может быть, оттуда виден огонек моей сигареты. Одинокий, крошечный огонек на темном берегу. Судно вскоре исчезает, и со мной остается море, беззвездная командорская ночь, а в душе — радость прошедшего дня.

Какими их увидят завтра

В первые годы Советской власти на Командорских островах, пожалуй, самыми наболевшими являлись проблемы жилья, здравоохранения и народного образования. Уже к началу 30-х годов было построено 26 жилых домов. Это было лишь начало социалистического преобразования жизни командорцев.

В райкоме партии меня познакомили со справкой о социально-экономическом развитии Алеутского района. Читаю на первый взгляд бесстрастные цифры и факты: «...население — 1214 человек, в том числе алеутов — 276 человек.

Детское население района до 15 лет — 446 человек. Всего работающих в районе — 703 человека...

...Имеются следующие предприятия и учреждения: Командорский зверозавод, районный узел связи, гидрометеостанция, строительный участок треста «Камчатстрой», комбинат коммунальных предприятий и благоустройства, Алеутский комбинат бытового обслуживания, Командорский рыбкооп, районная ветеринарная станция, больница на 15 коек, школа-интернат, Дом культуры, музыкальная школа, библиотека, детский сад на 100 мест, пекарня, столовая на 30 мест, типография...»

— Стоп! — останавливает меня Федор Гаврилович Киселев. — Цифры цифрами, а говорить о будущем Командор, сидя в кабинете, нельзя.

Мы вышли с Федором Гавриловичем из райкома партии и пошли вдоль главной улицы Никольского.

— Строительство по генеральному плану у нас ведется с 1965 года. А сейчас уже разработан план строительства и экономического развития нашего района до

2000 года. Есть и техническая документация,— гордо сообщил Киселев, не пытаясь скрыть торжественные нотки в голосе.— Теперь мы имеем полное право пометчать, какими увидят Командоры наши потомки. Вот, например, Дом культуры...— Федор Гаврилович кивнул на современное двухэтажное здание рядом с райисполкомом.— Построен он несколько лет назад, но потребности населения растут, и скоро мы его будем расширять. Чуть дальше построим кафе-столовую на 100 посадочных мест. Заходил сегодня ко мне секретарь райкома комсомола Михаил Титеев, агитировал за создание для молодежи дискотеки. А что? Дело хорошее. Здесь и организуем ее.— Киселев усмехнулся.— Будет не хуже, чем в Петропавловске. А здесь,— Федор Гаврилович указал рукой на пустырь за Домом культуры, — скоро появится комплекс детских яслей-сада с бассейном, солярием и зимним садом.

Конечно, для жителей большого района наши планы, наш размах покажутся незначительными. Ну, подумаешь, построить в ближайшие пять лет новую баню и банно-прачечный комбинат, гостиницу на 50 мест, производственную базу для ремстройучастка или, скажем, теплицу на 120 квадратных метров, районную котельную на жидком топливе, дизельную электростанцию с подстанцией и кабельной разводкой по селу — разве это настоящие масштабы для современного района? — Киселев на мгновение умолк и тут же сам ответил.— Мелковато покажется, если не знаешь, что в районе — всего тысяча с небольшим населения, и что район этот — островок в океане. Ну да что я объясняю, сами ведь знаете,— спохватился Федор Гаврилович.

Некоторое время мы шли молча.

— А как быть с водой? — наконец поинтересовался я.— Честное слово, удивляюсь, Федор Гаврилович, на острове — десятки речушек с изумительно чистой и вкусной водой, а откроешь в гостинице водопроводный кран — и не то что пить не хочется, стоять рядом невозможно. Болотом на всю гостиницу пахнет. И цвет у воды какой-то зеленый.

— Верно,— поспешно согласился Киселев.— Конечно, и об этом мы думаем. Планируется водопровод с реки Каменки со станцией подъема и водонасосным очистным сооружением. Ну, а какая вода в Каменке, вы сами

пробовали: глотнешь и словно молодеешь на несколько лет.

По крутой деревянной лестнице мы спустились в нижний поселок.

— Здесь у нас цунамиопасная зона,— пояснил Киселев.— Поэтому все ветхие строения будут снесены. Оставим лишь имеющие историческое значение. Нижний поселок превратим в зону отдыха.

В генплане развития райцентра предусмотрено не только строительство жилых и культурно-бытовых объектов, но и производственной базы. Для того чтобы наш зверозавод был рентабельным, необходимо увеличить поголовье норок. А это значит, для фермы будут нужны более обширные территории. Уже сейчас испытываем острую нехватку зверомест — некуда расширяться. Приходится в ущерб ряду требований уменьшать размеры клеток, а это сказывается на поголовье норок, на качестве их меха. Так что зверозавод планируем перенести в другое, более удобное для него место. А там, где сейчас находится ферма норок, разместится хозяйственная зона села: мастерские, гаражи, складские помещения. Есть также задумка отделить от зверозавода сельское хозяйство и организовать совхоз. Он объединил бы все подсобные отрасли сельского хозяйства. Совхозу планируется передать около 500 гектаров пахотной земли. Будет увеличено до 400 голов командорское стадо коров, свиней — до 300 голов, птицы — до 5 тысяч. С кормами у нас проблемы нет. Таким образом, командорцы будут полностью обеспечены мясом, яйцами и молочными продуктами. Отпадет необходимость привозить все это с материка.

Через пустырь мы подошли к районной библиотеке.

— Устарела,— решительно кивнул в ее сторону Киселев.— Планируем строительство новой на 30 тысяч книг с большим читальным залом. Ну, а для детей будет библиотека на 10 тысяч книг. Рядом с ней предусмотрено строительство детской музыкальной школы на 200 учащихся и художественной школы на 60 учащихся.

Не забываем мы и о туристах. Они смогут наблюдать за котиками со специально построенных смотровых площадок. Места, связанные с пребыванием экспедиции Беринга, будут тщательно оберегаться, но каждый сможет побывать там. И еще я мечтаю,— усмехнулся Федор Гаврилович,— в бухте, где высадились первопроходцы,

построить землянки, подобные тем, в которых провели страшную зиму участники экспедиции Беринга. Может быть, рядом удастся построить копию пакетбота «Святой Петр»... А в нашей столовой туристов будут ждать старинные алеутские блюда. Но это все пока мечты, а в ближайшее время хочу наладить выпуск мороженого. Да, да, не удивляйтесь. Ведь какое же детство без мороженого. А наши ребятишки едят его только на материке. Пора нам взяться также и за строительство телеприемной станции. В наше время уже нельзя без телевидения.

— А как с транспортным обеспечением? — спросил я.

— Тоже наболевший вопрос, — ответил Киселев. — Мы уже предусмотрели создание в Никольском портового пункта по перевозке пассажиров и грузов морским транспортом. И конечно же, в наших условиях не обойтись без авиации. Планируем начать строительство аэродрома и автомобильной дороги от него до Никольского. Все это улучшит связь острова с материком.

Киселев внезапно умолк и подозрительно покосился на меня. Потом задумчиво произнес:

— Не подумайте, что это все грезы секретаря райкома. Это реальность ближайших лет!

Мы стояли с Киселевым на берегу океана. Стемнело. Пора возвращаться в гостиницу, но мне почему-то не хотелось уходить отсюда. Федор Гаврилович тоже не торопился. Кто знает, может, в эти минуты он видел, как по новенькой посадочной полосе острова Беринга мчит-ся только что приземлившийся пассажирский лайнер...

Голубые корабли из Мануоко

Мальчишка сидел на высоком плоском камне и смотрел в сторону заснеженных сопок. Мальчишка был без шапки, и жесткий океанский ветер трепал его черные волосы. Он не слышал моих шагов.

— Ты почему здесь сидишь? Холодно и поздно уже!

Мальчишка вздрогнул, удивленно обернулся, но тут же приложил палец к губам.

— Тише! Он может испугат-ся.

— Кто, он? — заинтересовался я.

— Мой кит.

Я недоуменно посмотрел в ту сторону, куда указал мальчишка, но ничего не увидел.

— А ты не сочиняешь?

— Нет, честное шлово, не шочиняю.

— Но там же никого нет!

— Вы не умеете шмотреть. У меня кит не проштой, а дрешированный и хитрый-прехитрый. Его Митькой жовут. Как пошмотрит на него чужой человек, так он прыг, и в бабочку превращаетша и улетает вышоко-вышоко в небо.

— Вот это да! — с восхищением воскликнул я. — А когда он снова превратится в кита?

Мальчишка внимательно посмотрел мне в глаза, не смеюсь ли, но, встретив мой серьезный взгляд, пригладил зачем-то взлохмаченные волосы и тихо сказал:

— Когда приплывут голубые корабли иж Мануоко.

— Откуда?

— Иж Мануоко, — повторил он и пояснил. — Мануоко — это такая штрана, далеко-далеко. Там живут вше жнаменитые капитаны. Шегодня они приплывут на голубых кораблях и жаберут командора Беринга. Только я и кит Митька жнаем, где он прячетша. Хотите, шкажу где?

— Хочу, — согласился я.

— Только никому ни шлова, — строго предупредил мальчишка.

— Клянусь, никому ни слова! — поспешно заверил я.

Мальчишка еще раз испытывающе посмотрел на меня.

— Шмотрите, во-он Арий камень. Видите? В нем много пещер, там и шпряталша командор Беринг.

Мальчишка хотел еще что-то добавить, но с океана хлестанул брызгами ветер. Мальчишка поежился и весело крикнул:

— Шторм будет!

— Ты почему без шапки? — строго спросил я. — Потерял, наверное?

— Не-а, — ответил мальчишка, — ражбойники отняли. Ох, и ждоровенные, черти! Как вышкочили иж тундры, как жашвиштели, аж морож по коже. Трешнули мне по шее и шапку отняли, вот...

Мальчишка видел то, что хотел видеть: кита Митьку, который может превратиться в бабочку, живого командора Беринга и голубые корабли из Мануоко.

Ведь каждый ребенок — немножно поэт.

Камни бухты Буян

У меня на ладони — командорские опалы. Миллионы лет, застывшие в прозрачно-матовой капле. Капля, в которой сжалась энергия моря и огня...

Есть на острове Беринга бухта Буян. Так же называется и речка, впадающая в Берингово море. Именно здесь, на небольшом береговом отрезке еще участниками Второй Камчатской экспедиции были обнаружены богатейшие россыпи агатов, опалов, яшмы и сердоликов.

Конечно, эти ценные камни — не такая уж редкость и в других местах земного шара, но, как утверждают специалисты, они нигде не имеют такой безупречной формы. Нигде еще природа так не отполировала их, как в бухте Буян.

Поделочные и полудрагоценные камни — агат, яшма, сердолик и опал — образовались в лавах базальтов во время подводных извержений. Именно эти мощные извержения, сотрясавшие дно Тихого океана около 50 миллионов лет назад, и породили впоследствии Алеутские острова и Командоры.

Специалисты считают, камни с острова Беринга великолепно отполированы потому, что попадают на морское побережье не сразу из базальтовых лав, а их долгие годы перекатывает река Буян. С центральных гор острова река не спеша выносит агаты, яшму и опалы к Берингову морю. Около 8 километров — путь самоцветов к морю. Эти километры они преодолевают за тысячи лет.

Трудно описать красоту командорских камней. Особенно опалов. Этот камень как бы светится изнутри голубоватым или золотистым сиянием. Молочные опалы называют еще лунным камнем, а прозрачные, с янтарным оттенком — огненным.

Ценность командорских агатов, опалов, яшм, сердоликов растет прямо пропорционально количеству вывезенных камней. С каждым годом возрастает спрос на них среди коллекционеров. Многие музеи нашей страны хотят иметь коллекцию минералов с Командорских островов.

Редкий гость острова Беринга не мечтает посетить мыс Буян, чтобы своими руками вытащить из студенной морской воды агаты, опалы, яшму, сердолики. Пока сбор этих ценных сувениров идет стихийно. А почему бы не

использовать дары Буяна? Ведь их можно сделать объектом творчества народных умельцев. И каждый, кто побывает на Командорах, с удовольствием приобретет это творение моря и огня.

Хандра

Давно уже за полночь, а я не могу уснуть. Ворочаюсь в спальном мешке, потом поднимаюсь и достаю сигареты...

Утром все кажется пустым и ненужным. Все, чем вчера восторгался, сегодня раздражает. Море — холодная тупость, скалы и сопки — серая бессмыслица, любопытные песцы — ободранные пожиратели падали.

Чай выкипает в костер. С трудом доедаю невкусный завтрак. Ничего не хочется делать.

Хандра.

Долго брожу по берегу, а потом усаживаюсь на камне. Достаю тетрадь, но не могу написать и строчки.

Берингово море и калан, прятавшийся вчера за камнями, безмянная речка, тундра и сопки — все вы останетесь на свободе. Вы не умещаетесь в синие клеточки моей тетради. Я не сумел превратить вас в холодные символы на бумаге...

Солнце робко угасает за синими складками сопок. Темнеет. Лишь пухлое облачко догорает вдали последним закатным светом. Но вот и оно меркнет. Грустными и задумчивыми стали командорские вечера. Никнут они к земле головой старика, уснувшего в кресле.

Тихо колышется море. Но в его мирном колыхании и вздохах чувствуется сила громадного пространства ничем не скованной воды. Сумерки полны мудрости уставшей земли и моря. Слышится только попискивание куличков, редкое, словно разбрасывают они по берегу пригоршни звонких серебристых горошин. Но вскоре все живое умолкает, растворившись в сонной темноте.

Лишь тихо колышется море... А потом оно начинает светиться от малейшего прикосновения. Брошенный камешек летит над его гладью и вспыхивает, коснувшись воды. Камешек уходит в глубину огромной искрой, а за ним тянется огненный след. Он тянется в усталую ночную тайну моря. Еще миг — и огненный след гасится мраком.

Возвращаюсь в юрташку и долго сижу на пороге, обхватив колени руками.

Хандра...

Ночью опять не спится. Я вижу, как набегают короткий ливень, слышу, как лупят по стеклам оконца тугие капли, как журчит за тонкой досчатой дверью вода.

Кончается ливень, а я продолжаю сидеть, уставившись пустым взглядом в темное окно.

Хандра. И тоска по дому.

Нефть со дна океана

Специалисты считают, что наземных запасов нефти человечеству хватит лишь на несколько десятков лет. Какой же выход? Человек обращается за помощью к морям и океанам.

Ученые установили, что месторождения нефти обычно встречаются в тех районах, где раньше были моря, или в современных морях. Уже сейчас во многих странах нефть добывают, пробуравив под водой дно.

Мне приходилось видеть ее добычу в Каспийском море и в Персидском заливе. Нефтяные вышки шагают все дальше от берегов в открытое море.

Есть предположение, что дно Тихого океана хранит огромное количество нефти и газа. Может, недалек день, когда начнется промышленная разработка этих богатств.

Если каменный уголь — результат температурной трансформации первобытных лесов без доступа кислорода, то нефть — результат подобных процессов с водорослями доисторических теплых морей. Как утверждают ученые, нефти гораздо больше в морях и океанах, чем на материках.

— Кто знает, может, наступит время, и у нас появятся нефтяные вышки,— сказал Федор Гаврилович Киселев и кивнул в сторону океана.— Будут выкачивать нефть со дна, и не узнать тогда Командоры...

Я так и не понял, чего было больше в голосе Киселева: мечты или грусти.

Возвращение каланов

В первой половине XVIII века Георг Стеллер отмечал изобилие каланов на острове Беринга и называл их самыми доверчивыми зверями. В те времена любопытные зверьки еще не боялись человека. Но вот начался на Командорских островах промысел котиков, а с ними началась массовая добыча каланов.

Первое время за ними охотились только на более доступном острове Беринга, а позднее, когда число каланов здесь катастрофически уменьшилось, промысловики добрались и до острова Медный. И лишь суровые условия плавания у скалистых берегов Командор, частые штормы и отсутствие хороших якорных стоянок спасли каланов от полного истребления. К 1924 году, когда вышел строжайший запрет на промысел этого морского зверя, их сохранилось всего несколько десятков, и то лишь на острове Медный.

Над животным, обладающим самым ценным мехом, нависла угроза вымирания. Многие специалисты в 20—30-х годах сделали вывод: каланы обречены, это исчезающий вид.

До недавнего времени о них мало было известно. В справочной литературе сообщалось, что калан, или морская выдра,— хищное млекопитающее. Взрослое животное достигает в длину полутора метров, вес — до 40 килограммов. Окраска изменчивая, чаще всего — темно-бурая. Когда-то каланы были широко распространены во всей северной части Тихого океана. Они обитали в районе Курильских островов, Японии, Сахалина, у Командорских и Алеутских островов, а также на западном побережье Северной Америки. Теперь их можно встретить лишь на Командорах, изредка — у южной оконечности Камчатки и на Курильских островах...

Федор Гаврилович Киселев не может скрыть воодушевления, рассказывая о каланах.

— Я не встречал человека, изучавшего образ жизни и повадки каланов, который бы не полюбил их. По-моему, это самые симпатичные и добрые морские животные, — категорично произнес Киселев. — А какие у них трогательно теплые отношения друг с другом!.. А с какой заботой и нежностью они выращивают своих детенышей. Пожалуй, такого отношения к своим малышам не встретишь у других животных. Каланы хорошо при-

способлены к воде, великолепно плавают и ныряют. Правда, на берегу они беспомощны и неуклюжи. Ведут дневной образ жизни. Ночью спят на берегу или прибрежных камнях. Много раз наблюдал я за каланами и всякий раз удивлялся их игривости, невероятному любопытству, какой-то по-мальчишески шалой непосредственности и наивности. Питаются они в основном рыбой, ракообразными, моллюсками. Но самое лакомое блюдо для каланов — морские ежи. — Киселев прервал свой рассказ. — Но, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Советую побывать на мысе Толстом, может, удастся встретить калана. Только трудное это дело: зверь очень осторожный.

Спустя несколько дней мне действительно посчастливилось увидеть калана. Это были самка с детенышем.

Наблюдать за каланами в естественных условиях трудно. Если несколько раз потревожить своим появлением стадо, оно может навсегда покинуть лежбище. А ведь калан — животное оседлое. Место для лежбища выбирает особенно тщательно и покидает его только в исключительных случаях. Поэтому перемену места жительства он переносит болезненно.

Июльское утро едва отогрелось от росной прохлады и теперь нежилось на сопках и в долинах, раскинув пухлые зеленые руки в снеговых браслетах. Его солнечная теплота коснулась и Берингова моря. Каланы плескались метрах в тридцати от берега, напротив небольшой коричневой скалы. Я увидел их неожиданно и поспешил спрятаться за камнями, чтобы осторожные зверьки не испугались меня.

Каланенок пытался взобраться на живот матери. Та лежала на спине, подставив брюшко солнечным лучам. Но малышу это никак не удавалось. Только он вскарабкался на живот матери, как она чуть поворачивалась на бок, и каланенок летел в воду. Наверное, самка приучала детеныша самостоятельно осваивать родную стихию.

Наконец малыш понял: удержаться на животе матери не сможет — и обиженно запищал. Каланиха тут же перевернулась на живот. Убедившись, что ничего страшного не случилось и что он просто капризничает, она нырнула. Малыш перестал пищать и нырнул следом за ней.

Минуты через две голова каланихи показалась над водой. В зубах — довольно большая рыба, которую она

поддерживала передними лапами. Секундами позже вынырнул каланенок. Увидев рыбу, он снова запищал и кинулся к матери. Выждав, пока детеныш вцепится в рыбий хвост, каланиха снова нырнула, увлекая его за собой. Даже отсюда, из моего укрытия, было видно, что это игра. Каланиха с малышом затеяли такую возню, с шумом, плеском, нырянием и прыжками над водой, что переполошили кормившихся неподалеку чаек.

От жителей Никольского я уже много слышал о каланах, о их повадках. На свет каланята появляются вполне самостоятельными существами. Рождаются они зрячими, со всеми молочными зубами. Тело их покрыто светло-бурой шерстью. В суровой океанской стихии каланенка поджидает множество опасностей, но мать всегда рядом с ним. Она тщательно чистит своего детеныша, кормит его молоком и лишь во время охоты за рыбой ненадолго оставляет одного в воде. Каланята растут быстро. Через несколько дней после рождения они уже отлично плавают и ныряют и вскоре начинают привыкать к пище взрослых.

Каланы — единственные морские млекопитающие, у которых нет защитного слоя жира. Но от переохлаждения их спасает необыкновенно густой мех. Специалисты подсчитали, что на одном квадратном сантиметре тела растёт около 120 тысяч волосинок. Командорцы в шутку называют калана самым аристократичным зверем. Никто так не заботится о своей шубе, как он. По несколько часов в сутки калан чистит свой мех. Ведь даже от мазутного пятна животное может погибнуть. Слышал я также от специалистов, что каланы почти никогда не дерутся между собой: боятся за свою роскошную шубу. Незначительная ранка на теле — и нарушаются теплозащитные свойства меха с утратой воздуха между волосками. Животное быстро переохлаждается в воде.

При добыче мидий каланы разбивают камнями крепкие раковины.

У алеутов есть много легенд, посвященных каланам. Интересно, что почти в каждой из них калану дают черты человека. Как считают ученые, зверь заслужил это своими умственными способностями и некоторым сходством в поведении с человеком.

Несмотря на самые мрачные прогнозы некоторых специалистов, каланы все же не вымерли. Благодаря энергичным мерам по защите этих ценных зверьков,

предпринятым в годы Советской власти, их численность за последние тридцать лет начала заметно увеличиваться.

Зимой 1971—1972 годов, к радости и удивлению людей, на острове Беринга была обнаружена большая группа каланов. Это было только начало возрождения беринговой колонии. Из года в год благодаря своевременному вмешательству людей поголовье каланов на острове увеличивается.

«Недалеко время, когда можно будет приступить к частичному выборочному промыслу каланов сначала на Медном, а затем и на острове Беринга,— отмечает в своей книге С. В. Мараков.— При тщательном контроле специалистов станет возможным получение самых ценных в мире шкурок».

— Сколько же сейчас на острове Беринга каланов? — поинтересовался я однажды у Федора Гавриловича Киселева.

— Примерно полторы тысячи, то есть в 10 раз больше, чем оставалось 50 лет назад,— с гордостью ответил Федор Гаврилович.

Неудачная охота

Несколько раз приглашали меня на утиную охоту. Да все не было времени. Наконец выбрался вместе с Виктором, молодым рабочим зверозавода.

Долго шли тундрой. Не торопились. До вечерней зорьки еще уйма времени. Иногда мы останавливались и любовались новым весенним ковром тундры.

Есть в тундровых цветах острова Беринга особая, скромная красота. В чем она? Пожалуй, в контрасте с угрюмыми скалами, неумолкающим прибоем, частыми туманами.

Цветов на острове много. В открытой ветрам тундре у них короткие стебельки — всего несколько сантиметров. У тех, что растут в лощинах, стебли в четыре-пять раз длиннее.

Лиловые ирисы растут повсюду. За околицей села, в огородах, вдоль дороги пестрят их венчики, похожие на усталых бабочек. Разбежались по тундре белые с золотым солнышком-сердечком ромашки. А на склонах

сопок — целые колонии луговой герани, темно-розовых анемонов, студено-синих колокольчиков.

Добрались наконец до места. Виктор оставил меня на «засидке», сооруженной из камней, плавника и травы, а сам отправился к другой.

Солнце последний раз подпрыгнуло на волнах и окунуло краешек диска в море. Час вечерней зари. Когда же наконец появятся утки? Стелю на камнях штормовку и ложусь. От нечего делать начинаю мысленно представлять, что сочинит Витька по поводу нашей утиной охоты. Мой товарищ по сегодняшней охоте славится своими выдумками и приключениями. Дня не проходит, чтобы он не попал в какую-нибудь историю или, по крайней мере, не сочинил ее.

То на его лодку напала гигантская белая касатка, то он вступил в поединок с матерым сивучом, то предотвратил высадку на лежбище котиков каких-то браконьеров. Трудно иногда понять, где в его рассказе правда, а где разгул неуемной фантазии.

Что же он советует сегодня? Особенно, если охота будет неудачной. Наверное, скажет, что уток распугало доисторическое чудовище, выплывшее из моря.

От солнца остался лишь рваный клочок, а уток все нет и нет. Пора искать Витьку и возвращаться в село.

Я прошел берегом моря почти километр, но моего знакомого нигде нет.

Хрустят под ногами ракушки. Скалы от вечернего света розовые, издали напоминают сказочный белокаменный город. Вдруг замечаю далеко впереди ружейный ствол.

— Виктор! Вить!

Не отзывается. Подбегаю к тому месту, где из-за камней торчал ствол ружья.

Чертовщина какая-то! Витька лежит прямо на камнях. Глаза у него закрыты, лицо зеленое, а одежда вся насквозь мокрая.

— Что случилось?!

Молчит. Приоткрыл только глаза, и вдруг как задрожит, даже постукивание зубов слышно.

— Да скажи хоть слово! — Я хватаю Витьку за руку.— Слышишь?

— Т-ты см-м-мерть в-видел к-когда-нибудь? — продолжал стучать зубами Витька.

— Всякое бывало,— отвечаю поспешно и начинаю стягивать с него промокшую одежду.

Витька перестает дрожать.

— Всякое,— укоризненно тянет он,— а я видел только что.

— Ну, давай, рассказывай.

Витька немного оживает и даже пытается мне помочь. Лишь когда я разжигаю костер, начинает свой рассказ.

— Понимаешь, она совсем не одна, эта самая смерть. Их много, и рожи у всех разного цвета: синие, белые, красные. И все чего-то лопочут и вокруг меня суетятся. А я им — во... Выкусите!.. Жаль, только утку забрали, сволочи.

«Дела...— подумал.— Это уже похуже сочинений о гигантских касатках. Настоящий бред».

А Витька, не обращая внимания на мой сокрушенный взгляд, продолжал:

— Подстрелил я утку, а она в море упала. Вот я прямо в одежде и плюхнулся за ней. Дотянулся, схватил за шею, а меня тут самого кто-то за ноги хватить и вниз, на дно. Я рвусь к берегу, а меня опять — дерг. Волны, зараза, одна за одной шарашат по башке. Воды наглотался, одежда набухла. Ну, думаю, конец. Обидно так стало, до берега ведь рукой подать. И вот тут-то эти разноцветные рожи и появились. Верещат, мечутся, за руки, ноги хватают...

Витька перевел дыхание:

— Честное слово, обидно ни за что ни про что концы отдать. Бросил я к чертовой матери утку и из последних сил рванул к берегу. Втянул в себя побольше воздуха, встал на четвереньки и по камням — к берегу. А тут еще волна громадная, как поддаст сзади, так я кубарем на берег и вылетел. Чуть башку не расколотил. Рассказать кому — не поверят, а у меня до сих пор перед глазами разноцветные смерти мельтешат.

Вовсю полыхал костер. Одежда, развешанная вокруг него, почти высохла.

— Что-то не могу согреться,— снова затрясся Витька.— Н-надо согревающего внутрь. У т-тебя н-нет с собой?

— Нет,— развел я руками,— если б знал...

— Если бы да кабы,— разочарованно протянул Витька и тут же перестал трястись:— Я б десять бутылок водки взял с собой.

— Ты, кажется, и без водки согрелся.

Витька ничего не ответил, только поближе подвинулся к костру.

— А знаешь, что я думал в ту минуту? — не выдержал он вскоре.

— Только не сочиняй,— предупредил я.

— Честно,— тряхнул головой Витька.— Чудно даже вспоминать. Мелькнуло у меня: вот придешь ты сюда, а найдешь только стрелянную гильзу, штормовку да ружье... Представил, как ты по берегу носишься, на сопку карабкаешься, в тундру бежишь на поиски... А потом ночью в Никольское возвращаешься и говоришь: «Погиб Витек, а как, не знаю». Что тогда началось бы!.. Еще, чего доброго, свалили б на тебя: погубил человека — меня, значит,— ткнул себя в грудь Витька.

— Хватит ерунду молоть,— не выдержал я,— пора возвращаться.

— Пора,— согласился Витька.— А жить все-таки лучше,— глубокомысленно изрек он и стал натягивать на себя высохшие штаны...

Дельфинья беда

Десяток большущих терпугов покачивался на дне лодки. Мы уже хотели поворачивать к берегу, как вдруг Иваныч тихо произнес:

— Гляди-ка: дельфины! Редкие гости в наших водах.

И правда, неподалеку стремительно катились белые буруны. Животные быстро приблизились к нам и теперь почти касались темными лоснящимися спинами бортов нашего суденышка. Казалось, что своими действиями дельфины стараются привлечь внимание людей.

Почувствовав неладное, Иваныч заглушил мотор и о чем-то сосредоточенно задумался, глядя на дельфинов.

— Что случилось? — поинтересовался я, но старик не ответил.

Он снова запустил мотор, и наше суденышко рванулось прочь от берега в океан.

— Дельфины волнуются. Неспроста это,— наконец пояснил Иваныч.— Видно, беда какая в океане случилась.

Теперь дельфины неслись впереди нас, будто указывая дорогу. Лодка едва поспевала за ними. Неожиданно

мы увидели пляшущий на волнах рыбацкий буй. Вода вокруг него расходилась большими кругами.

Заглушив мотор, Иваныч перегнулся через борт и схватил двумя руками буй. Но тот, казалось, не хотел отрываться от океанской волны. Я кинулся помогать старику. За буюм потянулся большой обрывок рыболовецкой сети. Кое-как вдвоем вытащили сеть, а в ней — неожиданный улов: в коварных нейлоновых ячейках нарепко запутался дельфиненок. Точными ударами ножа Иваныч перерубил путы и взял дельфиненка в руки. Малыш тяжело дышал.

— Ничего, сейчас отойдешь немного, и я тебя отпущу к своим,— пробормотал Иваныч.— Сколько ж ты без воздуха промучился, бедный?

Старик, словно кошку, погладил малыша, и тот слабо пошевелил хвостом.

— Какой глупый и злой народ еще ходит по морям-океанам,— покачал головой Иваныч, обращаясь ко мне.— Ведь строго-настрого всем рыбакам наказано не выбрасывать обрывки сетей в океан. Котики, каланы, дельфины гибнут от них. Эх-эх-эх, нельзя бездушных людей в океан выпускать...

Неожиданно дельфиненок рванулся из рук старика.

— Ну вот и ожил! — обрадовался Иваныч и поспешно выпустил малыша в воду.

Дельфиненок счастливо пискнул, ударил хвостом по воде и понесся к своим сородичам. И тут же, как по команде, все дельфины, а их было около десятка, высунули свои головы из воды. Дружными звуками, напоминающими хрюканье, они словно благодарили нас за спасенье малыша.

Птица-легенда

И до поездки на Командоры мне приходилось слышать легенды об удивительной птице, птице, приносившей спасение попавшим в беду мореходам. С давних времен среди моряков, китобоев и исследователей Севера живут эти легенды.

Когда корабль сжимают льды, когда яростные штормы вот-вот должны погубить его, когда океанская пучина распахивает объятия, чтобы поглотить судно вместе с людьми, и, кажется, гибель уже неминуема — сожми

зубы и взгляни в небо: тебе на помощь летит маленькое чудо Севера. Из тумана появится розовая чайка, похожая на частицу луча восходящего солнца. Птица будет кружить над кораблем, издавая тихие и печальные крики, совсем не похожие на крики других чаек. Она будет кружить до тех пор, пока ее не увидит самый отчаявшийся моряк, готовый принять смерть.

Потом розовая чайка снова исчезнет в тумане, но уже не так будут биться льды о борт корабля, стихнет шторм и ты почувствуешь неукротимую силу, которую не одолеть ни северной стуже, ни буре, ни океанской пучине. Увидеть розовую чайку — означало спастись.

На острове Беринга мне тоже рассказали легенду об этой птице. В ней называют розовую чайку дочерью солнца и снега. Чтобы странствующий в северных просторах человек увидел ее ночью, полярный день подарил чайке оперенье из розовых лучей восхода. А чтобы ее видели днем, полярная ночь подарила ей свое черное ожерелье. С тех пор летает розовая чайка днем и ночью надо льдами, спасая путешественников и моряков, указывая им путь.

Долгое время считалось, что эта птица существует лишь в легендах моряков и жителей Севера. Но вот осенью 1818 года капитан Джон Росс, пыгавшийся на своем корабле обогнуть с севера американский материк и выйти к Берингову проливу, увидел розовую чайку и первым из европейцев описал ее. Спустя несколько лет, участники британской полярной экспедиции добыли двух розовых чаек, и их шкурки попали в руки ученых. Но еще долго розовые чайки хранили свою самую главную тайну: где их родина?

В начале нашего века русскому орнитологу Сергею Александровичу Бутурлину удалось обнаружить гнездо розовых чаек среди заболоченной тундры, в низовьях рек Колымы и Индигирки. Оказалось, что эти птицы гнездятся небольшими колониями на островках и по берегам озер и болот лишь в тех местах, где обнаружил гнездо Бутурлин. Гнездовой период розовых чаек короткий. В конце июля взрослые птицы и вставшие на крыло молодые начинают свой перелет к берегам Северного Ледовитого океана.

О жизни легендарной птицы известно еще очень мало. Редко она попадается людям на глаза. Мне повезло: я случайно увидел розовую чайку неподалеку от бухты

Буян. Она летела вдоль побережья и казалась настолько увлеченной полетом, что не обращала внимания на берег, где можно отдохнуть, на шумную стаю своих серых сородичей, на ветер, что грозил штормом.

Я поднял бинокль и рассмотрел розовую чайку: спинка ее была жемчужно-серая, голова, грудь, хвост и брюшко ярко-розовые, а вокруг шеи — черное ожерелье. Не больше минуты я видел легендарную птицу. Но это была та минута, что остается в памяти на всю жизнь.

В наследство потомкам

Говоря о богатстве природы, чаще всего мы подразумеваем полезные ископаемые, ценную древесину, дорогие меха. И порой забываем при этом, что общение с ее красотой — одна из непреходящих жизненных ценностей, доступных человеку. Давно уже восприятие природы приравнивается к восприятию искусства.

Извечна тяга человека к красоте. Он оставляет дом, насиженные места и отправляется в горы, в леса, в тундру, выходит в море, чтобы как можно больше увидеть, ощутить. Не только познать умом, но и душой соприкоснуться с прекрасным, загадочным и удивительным миром природы.

И не случайно одна из целей охраны окружающей среды — удовлетворение эстетических потребностей человека. Природа с давних времен служила людям источником наслаждения ее красотами, вдохновляла на творчество. Произведения, созданные под влиянием ощущений природы, глубоко понятны миллионам людей и способствуют развитию у человека любви к истинной красоте, облагораживают его, обогащают его внутренний мир, стимулируют трудовую деятельность.

На всем пути взаимодействия человека с природой она была и остается одним из постоянных и необходимых условий развития общества.

Еще до Великой Октябрьской социалистической революции Владимир Ильич Ленин, интересуясь вопросами охраны окружающей среды, резко выступал против хищнического использования природных богатств.

В первые же годы Советской власти нашим правительством под руководством Владимира Ильича был издан ряд декретов по организации рационального ис-

пользования, охраны и воспроизводства важнейших природных ресурсов нашей страны. Ленин не только занимался разработкой природоохранительных законов, но и проводил повседневную работу по охране природы, лично участвовал в осуществлении ряда мероприятий, чтобы лучше претворить эти законы в жизнь.

Чем сильнее становится влияние человека на природу, тем больше уделяет наше государство внимания ее защите. В принятых на XXVI съезде КПСС «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» подчеркивается необходимость: «Продолжить формирование научно обоснованной сети заповедных территорий и национальных парков и проводить на их базе изучение природных систем и объектов с целью выработки рекомендаций по рациональному использованию природных ресурсов. Осуществлять меры по сбалансированному увеличению численности диких животных и по воспроизводству в естественных водоемах и водохранилищах ценных видов рыбы»¹.

Природа Командорских островов — суровый, мужественный и в то же время хрупкий мир. Котиковые лежбища, нерестилища красной рыбы, каланьи залежки, антуры, сивучи, бухта Буян — хранилище самоцветов — не перечесть всех сокровищ. Что и говорить, уникальна природа Командор. В то же время она более уязвима, чем природа в теплых краях, и нанесенные ей раны — будь то снятие тундрового покрова или браконьерство — она залечивает очень долго. Процессы очищения морских и океанских вод здесь также протекают значительно медленнее, чем в других местах. Поэтому подход к природоохранительным мероприятиям должен быть на Командорах особенно серьезным.

Не раз мы обсуждали эти вопросы с Федором Гавриловичем Киселевым.

— Возьмем, скажем, район бухты Старая Гавань, — рассказывал он. — Это едва ли не самое живописное место на побережье. А какие там пастбищные участки! Казалось бы, чего проще — бери да используй под пастбища. Но... — Киселев развел руками, — реализовать эту возможность нельзя без риска опустошить прекрасный уголок побережья. Мы уже имеем печальный

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., Политиздат, 1981, с. 184.

опыт неосторожного, необдуманного вмешательства в природу. Примером тому — береговые дюны от реки Гаваньской до бухты Китовой. Не так давно эта часть побережья ничем не уступала Старой Гавани. А теперь бывшие травянистые холмы превратились в песчаные дюны. Эрозия почвы произошла из-за стада коров, а точнее, нашей небрежности. Не учли мы особенности строения берега, и в результате верхний скрепляющий и плодородный слой сорван копытами животных. Остальное довершил ветер. Вот старики вспоминают, что раньше в Гаванку свободно заходили сейнеры. А сейчас что? Даже в устье воды по коленю. И куда ни глянешь — песок, песок...

Наконец-то человечество серьезно задумывается о своем месте в природе, о том, как защитить ее от себя самого. Животный мир, пожалуй, одно из самых хрупких, самых уязвимых звеньев природы. Варварская деятельность человека привела к тому, что за последние 2 тысячи лет с лица Земли исчезли 106 видов и подвидов зверей. За это же время не стало около 140 форм пернатых. В первой половине XX века уничтожено еще 40 видов птиц и млекопитающих.

Командорские острова — наглядный пример того, как человек, вторгаясь в природу, истреблял тех или иных представителей животного мира. Стеллерова корова, крупное млекопитающее, достигавшее 8 метров в длину и весившее 3,5 тонны, во времена Второй Камчатской экспедиции в изобилии водилась на мелководьях у Командорских островов. Вкусное мясо и доверчивость животного погубили его. Спустя всего 27 лет после открытия острова Беринга, в 1768 году, заезжими промысловиками и купцами была убита последняя морская корова. Больше на земном шаре этого вида не существует. А кто знает, доживи морская корова до наших дней, может, стала бы она первым из обитателей океана домашним животным.

Такая же печальная участь постигла и Стеллерова баклана, который водился только на острове Беринга.

На Командорах и сейчас встречаются птицы, находящиеся под угрозой исчезновения. К ним относится малый гоголь. Птица настолько редка, что образ ее жизни почти неизвестен специалистам.

Гнездится малый гоголь на севере Американского континента. На Командорах он залетный гость. От сво-

его родственника, обыкновенного гоголя, отличается меньшим размером и ярким белым пятном на голове.

Охрана природы Командорских островов, контроль над работой промысловиков, помощь наблюдениям ученых — вот чем занимаются инспекторы Командорской рыбинспекции. В их обязанности входит проверка лежбищ котиков, поселения каланов, птичьих базаров, мест обитания тюленей, подсчет животных на залежках, учет павших и выяснение причин гибели того или иного зверя. Но, конечно, одни инспекторы, без помощи односельчан не справились бы с такой огромной работой. Все жители Никольского, от мала до велика, в той или иной мере помогают им. В этом конкретное, а не на словах проявление любви к природе родных Командор.

Из года в год возрастает влияние человека на окружающую среду. Его вмешательство в естественный ход природных процессов вырастает до планетарных масштабов. Даже необозримые, могучие океаны и те оказались под угрозой загрязнения. Зачастую они служат местами бесконтрольного сброса различных отходов.

Известный путешественник Тур Хейердал во время своего плавания по Атлантическому океану с тревогой отмечал, что даже его центральная часть, где редко встретишь суда, чрезвычайно засорена всевозможными отходами.

Океанские танкеры ежегодно перевозят сотни миллионов тонн нефтепродуктов. Жидким горючим пользуются тысячи судов. Иногда у них недостаточно хорошо отрегулированы двигатели, протекают трубопроводы и часть горючего оказывается за бортом. В открытом океане, несмотря на международные соглашения, нередко промывают свои опорожненные емкости танкеры. И в результате по воде на много километров расплываются маслянистые пятна нефти — зона смерти для всего живого в океане. Гибнут водные растения, беспозвоночные, рыбы, морские птицы.

Ученые подсчитали: для того, чтобы уничтожить все живое в Балтийском море, достаточно вылить в него 200 тысяч тонн нефти.

Сейчас многие, а в особенности командорцы, озабочены возможными катастрофическими последствиями для флоры и фауны Берингова моря вспыхнувшей на Аляске «нефтяной лихорадки». Нефть, попавшая в море в результате бурения скважин, может постепенно унич-

тожить мелкие организмы, затем моллюсков, морских ежей, рыбу, а следом за ними млекопитающих — китов, котиков, каланов.

В последнее время мы много говорим о защите природы, об охране окружающей среды. Но куда легче клясться в любви к природе, чем выполнять элементарный долг перед ней. Пожалуй, редко сейчас встретишь человека, назвавшего бы себя врагом природы. И все же до сих пор в океан выбрасывают с кораблей отходы, гибнут в обрывках сетей дельфины и котики и звучат ружейные выстрелы в дни, когда охота запрещена.

Мне снова вспоминаются слова Киселева:

— Как часто мы хвастливо заявляем: вот какую суровую природу покорили! А ведь ее не покорять, а любить и сотрудничать с нею надо. Редко мы еще задумываемся, насколько ответственно вести на Командорских островах хозяйство. А задуматься надо. Не будет выеденных и вытоптаных пастбищ, если мы будем их культивировать. Не будет пустынных унылых берегов, если удастся перевести беринговское стадо крупного рогатого скота на полугодовое стойловое содержание. Реки и озера острова всегда будут полны рыбы, если мы по-хозяйски отнесемся к отлову...

Разнообразие путей и масштабы воздействия человека на флору и фауну нашей планеты возрастают. Несомненно, что в ближайшем будущем это приведет к более существенным в животном и растительном мире изменениям, неизвестным нам до сих пор. Вот почему постоянно звучат призывы тщательно изучать вопросы воздействия человека на природу, чтобы можно было своевременно предотвратить отрицательные и развивать положительные изменения в фауне и флоре.

Человек должен серьезно заботиться о состоянии и развитии природы, чтобы она не тормозила, а ускоряла развитие общества на пути к высшим формам общественных отношений и, следовательно, на пути к более полному удовлетворению всех потребностей человечества. Сегодня каждый из нас в ответе за то, какую мы передадим природу в наследство потомкам: вымершие пустыни или цветущий, прекрасный и удивительный мир.

Много пришлось мне странствовать по свету. Любовался я гордой красотой развалин Пальмиры, выразительными закатами над Средиземным морем, яростными красками скалистых гор в Колорадо и ласковой тишью озера Балатон, отдыхал в прохладе оазисов в пустынях Сирии и выходил на стремительной яхте в Атлантический океан. Я счастлив, что видел раскопки великого Вавилона, ходил по таежным тропам Забайкалья, купался в Мазурских озерах, карабкался на вершины Кавказских гор, восхищался совершенствами Баальбекской террасы на севере Ливана, но ничто теперь не сможет заслонить серебристые водопады острова Беринга, игру каланов на мелководье, щедрый ковер летней тундры, студёные колориты Тихого океана, сизые хребты сопок, неброскую, таинственную, немного застенчивую и суровую красоту Командорских островов...

Ударили в малиновые струны заката командорские стынть-вечерницы. Вызревала июльскими ночами зябкая тишина. Лишь плескался прибой, да о чем-то вздыхала спросонья трава. В эти ночи молодое простоволосое лето сошло с дальних сопок и бродило босиком по берегу океана. Робкой дикаркой лето подолгу смотрело в сторону проходящих вдали кораблей. А мне слышался в эти часы голос Иваныча: «Как схватились два песца на высокой сопке: один — белый, другой — огненный. Одолеет белый огненного, и начинает коченеть тундра в седых туманах, и обмерзлая стужа неслышно расправляет крылья, и тогда заводит свою песню поземка. А возьмет верх огненный — заговорят разом реки, поднимется в тундре трава, заревут олени, выплывут из океана коттики. И пойдет по острову лето, раздавая всему живому тепло своей души. И добреют от того тепла люди и звери...»

Но уже не увидеть мне всех даров командорского лета. Пора возвращаться на Камчатку...

Удастся ли мне еще побывать на Командорах? Не знаю. Но убежден, что невозвратимо лишь то, чему мы сами позволяем затеряться в глубинах своей памяти.

ЧТО ЧИТАТЬ О КОМАНДОРСКИХ ОСТРОВАХ

Берг Л. С. Очерки по истории русских географических открытий. М.—Л., 1946.

Ваксель Свен. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. М.—Л., 1940.

Дивин В. А. К берегам Америки. М., 1936.

Дивин В. А. Русские мореплавания на Тихом океане в XVII веке. М., 1971.

Забелин И. М. Встречи, которых не было. Изд. 2. М., 1966.

Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М., 1954.

Марakov С. В. Природа и животный мир Командор. М., 1972.

Марakov С. В. Загадочный мир островов. М., 1977.

Пасенюк Л. Иду по Командорам. М., 1974.

Стеллер Г. В. Из Камчатки в Америку. Л., 1928.

Чуковский Н. К. Беринг. М., 1961.

Содержание

I. Точка в океане	3
II. Главное богатство Командор	14
III. И пробил час буйного промысла	36
IV. В наследство потомкам	54

Вадим Никласович Бурлак

КОМАНДОРСКИЕ ЭТЮДЫ

Главный отраслевой редактор **В. Демьянов**

Редактор **К. Томилина**

Мл. редактор **М. Вержбицкая**

Оформление **М. Дорохова**

Худож. редактор **М. Гусева**

Техн. редактор **И. Шабратова**

Корректор **В. Калинина**

ИБ № 5165

Сдано в набор 23.07 81. Подписано к печати 17.12.81. А 12532. Формат бумаги 84×108^{1/8}. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 4,2. Усл. кр.-отт. 4,52. Уч.-изд. л. 4,25. Тираж 50 000 экз. Заказ 308. Цена 15 коп. Издательство «Знание» 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 827711.

Киевская книжная фабрика, 252054, Киев-54, ул. Воровского, 24.

